

Любовь

ГРАНИЧАЩАЯ
С БЕЗУМИЕМ

ОКСАНА ИЛЬИНА

18+

Оксана Ильина

Любовь, граничащая с безумием

«Автор»

2020

Ильина О.

Любовь, граничащая с безумием / О. Ильина — «Автор», 2020

Он - граф с идеальной родословной. Она - рабыня, без семьи, свободы и средств. Узнай отец о ее существовании, убил бы еще в утробе матери. Эта тайна ценою в жизнь, которую она не может открыть даже ради избавления от домогательств хозяина и отца в одном лице. У нее не остается выхода, кроме как бежать. Но и побег не становится спасением. Отныне судьба девушки в руках могущественного безумца, чьи страсть и жестокость сулят гибель... А все, о чем мечтает невольница, - это свобода вдали от страшных тайн и интриг.

© Ильина О., 2020

© Автор, 2020

Оксана Ильина

Любовь, граничащая с безумием

ПРОЛОГ

За двадцать лет до событий, описывающихся в книге.

Эдит Дельмас с улыбкой смотрела на внука, который вновь засиделся с ней в библиотеке. И теперь она провожала его по темному коридору в комнату. Несколько раз графиня просила малыша не шуметь, дабы не потревожить родителей. Но что мог понять двухлетний ребенок?

Миновав покои дочери, Эдит замерла. Из-за двери донесся крик ее девочки и тут же утих. Немедля графиня поспешила к двери, подумав, что, возможно, что-то случилось с ребенком, которого Габриэль носила уже почти пять месяцев.

Женщина толкнула дверь и замерла, проглотив возглас ужаса. Ее бедная дочь лежала на постели полностью обнаженная. А ее супруг навис над ней, сжимая в руках кинжал. Тело Габриэль было покрыто кровоточащими порезами, а лицо перекошено от боли.

Время словно остановилось. Эдит, задыхаясь от страха, смотрела, как острое лезвие приближается к округлому животу дочери. Опомнившись, графиня воскликнула:

– Остановись, там же твое дитя! – ее голос эхом отразился от каменных стен замка и раскатом вернулся назад.

Две пары глаз устремились на графиню. Одни – полные страха и слез, другие – сверкающие безумием. Тело женщины оцепенело, а сердце билось так, словно пыталось порвать корсаж. Эдит увидела, как дочь произнесла без звука одними губами:

– Уведи сына.

Обернувшись, графиня посмотрела на внука с побелевшим от страха лицом. Схватив Мишеля, женщина прижала дрожащее тело мальчика к себе и помчалась прочь. Крупные слезы градом катились по пылающим щекам. Она не могла полностью осознать того, что увидела. Поспешно вручив малыша няньке, графиня покинула детскую. Эдит, не помня себя, шагала по коридору, судорожно думая, как помочь Габриэль. Но новый крик дочери заставил действовать, не раздумывая. Схватив подсвечник со стены, графиня ворвалась в комнату и ударила им зятя по голове. Джозеф, не издав ни звука, мешком повалился на постель, а белые простыни мгновенно окрасились алым.

Эдит прижала плачущую дочь к себе и мутными глазами посмотрела на зятя, подумав, что если он мертв – это его наказание.

– Ты убила его, мама? – всхлипнула Габриэль и попятилась к изголовью кровати.

– Даже если так, – без капли сожаления произнесла графиня, – это твое избавление.

– Он безумен, мама, – в ужасе прошептала девушка, прижимая белую сорочку к кровоточащим ранам на своем теле. – Что же теперь будет?

– Ничего! – уверенно заявила Эдит. – Он упал, ударившись головой о подсвечник...

1 глава

Опустив голову, белокурая девушка сосредоточенно изучала перепачканный подол своего серого шерстяного платья. Она остро чувствовала, как в нее вонзаются, словно колючие шипы, десятки изучающих глаз. Эти наглые и высокомерные взгляды скользили по волосам, лицу и телу. Даже наличие одежды не спасало от их похотливого любопытства. Ссутулившись, Кэтрин перевела внимание с выцветшей ткани на грязные босые ступни. Только бы не глядеть на толпу, собравшуюся перед невольниками. Ее щеки пылали, и даже то, что она уже давно привыкла к унижениям, не спасало от мерзкого ощущения. Сердце колотилось, в панике напоминая, что свобода все дальше и дальше от нее. Единственная надежда оставалась на то, что девушку не заметят и вскоре ей удастся бежать. И, желая стать как можно меньше, Кэтрин втянула шею в плечи, почти перестав дышать.

– Эта! – из толпы донесся хрипловатый женский голос, а потом ударом в спину Кэтрин вытолкнули вперед.

Девушка невольно подняла взгляд и встретилась с серыми, выцветшими глазами. Пожилая женщина внимательно изучала ее лицо. А потом морщинистые губы старухи искривились в довольной ухмылке. Она отличалась от присутствующих: гордо вскинута голова и прямая осанка говорили о знатном происхождении. А ее дорогое черное платье, сшитое по последней моде, «кричало» еще и о достатке. Странно, насколько было известно Кэтрин, господа никогда не занимались покупкой прислуги, это слишком низко для их достоинства. Но пожилая дама сама лично выбрала девушку и теперь терпеливо ожидала, когда к ней подведут новую «покупку».

– Покажи зубы, – брезгливо произнес сопровождающий той женщины, и в ответ Кэт небрежно оскалилась. Ее все же выбрали. Да и на что она надеялась, когда юная девушка явно выделялась среди этого грязного отребья?!

– Сколько хочешь за нее? – обратилась старуха к торговцу. Тот назвал цену, которая явно была завышена. Однако пожилая дама не стала торговаться, а швырнула ему кошелек, который торговец даже не удосужился поймать. Озираясь по сторонам, этот мерзкий тип упал на колени и двумя руками вцепился в свою ценность. Сжав грязными пальцами кошелек, он потряс им, проверяя тяжесть, и ощерился, оголяя гнилые зубы. Да, вряд ли ему удалось бы столько заработать, продай он сегодня всех рабов.

Кэтрин, видимо, отличалась от остальных невольников юным возрастом, свежим цветом лица и не совсем поношенной одеждой. Как девушка оказалась среди них? Уж точно не по своей воле. Сбегая из поместья, в котором родилась и работала все свои восемнадцать лет, она не учла, что далеко без бумаги, подтверждающей свободу, ей не уйти. Так и случилось. В первый же день после побега на пути Кэт повстречались торговцы людьми. Негодяи тут же заприметили девушку и не поверили ее рассказам о том, что она якобы гостила у сестры, а теперь возвращается домой. В ответ они потребовали назвать фамилию хозяина, которому та принадлежит, но девушка не могла этого сказать. И впрямь Кэтрин не знала, что ее больше пугает, – оказаться невольницей среди рабов или же в постели графа Даррелла. До недавнего времени девушка прислуживала в поместье, не гнушаясь тяжелой работы. Но все изменилось, когда граф обратил на нее внимание. Да, старый кобель не упускал возможности увлечь в свою постель очередную молоденькую горничную, и об этом знали все. Впервые Кэт услышала о пристрастиях хозяина от матери в тот же момент, когда узнала, что он – ее отец. Мама девушки открыла страшную тайну, лишь находясь на смертном одре, строго наказав ни одной живой душе не рассказывать об этом. Граф не только не любил детей, но и не удосужился обзавестись наследниками с покойной женой. И в придачу жестоко истреблял внебрачных. Стоило ему заподозрить, что одна из его любовниц беременна, он тут же отправлял ее к повитухам. А некоторые, зная об отсутствии наследника, пытались навязать ему своих чад в надежде на лучшую жизнь. Только Даррелл заявлял, что ублюдки ему не нужны, и с детьми странным образом случались несчастья. Матери Кэтрин удалось чудом уберечь дитя. Женщина до последнего скрывала о своей беременности, а затем придумала легенду о том, что «понесла» от кузнеца из соседней деревни. Она не претендовала на титул и наследство, хотела лишь, чтоб дочь жила. Но девочка росла и становилась на редкость красивой, что было некстати рядом с похотливым господином. Как и подозревала мать, граф обратил внимание на Кэтрин, только матери уже не было на белом свете. Да если и была бы, вряд ли смогла защитить бедную дочь. С того дня девушка только и думала о том, как избежать домогательств отца. И это ей удавалось до тех пор, пока Дарреллу не надоели игры. Одним осенним вечером он приказал Кэтрин незамедлительно явиться в его покои. И она не могла не подчиниться, зная, что за непослушанием последует жестокое наказание.

Кэт прекрасно помнила, как тогда граф разорвал лиф ее платья, пыхтя от нетерпения. Опуская веки, она все еще видела его черные глаза, сверкающие похотью. И тогда, в отчаянии, с ее уст чуть не сорвалось: «Пустите, я ваша дочь». Чудом ей удалось умолчать, до крови прикусив язык, а в голове эхом звучал голос матери: «Он никогда не должен знать, кем ты ему приходишься. Поклянись, дочка». Она поклялась, не зная, каким тяжелым грузом станет для нее эта тайна. И в один момент, не смея ее раскрыть, Кэтрин подпишет себе смертный приговор.

Вырываясь из объятий Даррелла, Кэт схватила попавшуюся под руки вазу и со всего размаха ударила его по голове. Он осел, но отключился не сразу, по виску покатила тоненькая струйка крови. Метнув на девушку свирепый взгляд, мужчина прорычал:

– Я убью тебя, сука.

Тем же вечером Кэтрин бежала без оглядки. Страх, что граф в любую секунду придет в себя, не позволил задержаться, даже чтобы взять вещи.

Девушка никогда не покидала пределов поместья, лишь изредка ходила в деревню неподалеку. Она не знала, какая жизнь протекает за пределами дома, не понимала, какие трудности ее ждут. Продрогшая, она бродила всю ночь по темному лесу, сходя с ума от страха и слыша вой волков. И лишь к утру смогла найти тропу, но и здесь Кэтрин поджидали неприятности.

– Идем, – небрежно бросила пожилая дама и, больше не глядя на девушку, прошествовала сквозь расступающуюся толпу. Кэт последовала за новой госпожой, мысленно гадая, что ее ждет. Она озиралась по сторонам, ища лазейку, но народ провожал их внимательными взглядами.

Дама гордой походкой направлялась к карете, на двери которой красовался герб. Кэтрин, немного отстав, следовала за ней, подавляя желание разрыдаться. Девушка за последние сутки так размечталась о свободе, что даже чувствовала, как у нее за спиной выросли крылья. А теперь эта свобода на тех же крыльях упорхала далеко-далеко.

Слуга открыл дверцу кареты и, согнувшись в неуклюжем поклоне, протянул руку пожилой женщине со словами:

– Ваша светлость.

Не удостоив мужчину и малейшим взглядом, дама, облокотившись на его руку, исчезла в экипаже. А сопровождающий указал рукой Кэтрин, чтобы та следовала за хозяйкой. Оказавшись внутри, девушка на секунду залюбовалась. Ей никогда раньше не приходилось ездить в каретах, тем более в таких шикарных. Все стены там были обиты алым бархатом, а на окнах висели тяжелые занавески в цвет. И сиденье казалось таким мягким и удобным, что Кэт захотелось закрыть глаза и насладиться приятной атмосферой. Последние сутки ей не удавалось посидеть ни на чем, мягче земли, и теперь тело девушки непроизвольно расслабилось. И лишь толчок, оповещающий о том, что карета сдвинулась с места, вернул Кэтрин к реальности.

– Я графиня Эдит Дельмас, – представилась сухо старуха, чего точно от нее не ожидала Кэт. – С этого дня ты будешь служить в моем доме.

Девушка махнула головой, пытаясь не обращать внимания на высокомерный тон женщины и интерес, с которым та принялась снова изучать Кэтрин.

– Как твое имя, дитя?

– Кэт... Кэтрин, – растерянно ответила девушка, смутившись от такого внимания.

– И сколько тебе лет, Кэтрин? – продолжала любопытствовать графиня.

– Восемнадцать, – почти шепотом выдавила Кэт, сосредоточив взгляд на худых пальцах госпожи, мирно покоящихся на коленях и украшенных увесистыми перстнями.

– Прекрасно, – произнесла Эдит Дельмас. – А теперь слушай меня внимательно.

Кэтрин напряглась и на секунду подняла глаза, не решаясь смотреть графине в лицо.

– В моем доме есть свод правил, – начала женщина, сощуриив глаза, и в их уголках собрались глубокие морщины. – Беспрекословное подчинение не обсуждается. Помимо этого, тебе никогда и ни при каких обстоятельствах не позволено покидать замок. И все, что ты увидишь

и услышишь в его стенах, строго запрещается обсуждать с кем-либо. Запомни это хорошо, – в ее голосе прозвучала жестокость. – Я знаю обо всем, что происходит в моем доме. И строго наказываю за непослушание!

Кэт посмотрела на графиню и почувствовала, как по спине побежали мурашки. Женщина смотрела на девушку не моргая, и взгляд этих тусклых холодных глаз пугал Кэтрин не меньше темного леса, по которому она, сходя с ума от ужаса, бродила пару дней назад.

2 глава

Вымотанная тряской, Кэтрин прикрыла глаза и задремала. Она и не подозревала, насколько устала за последние дни, находясь вне дома. Да и было ли поместье Дарреллгтон ее домом? Девушка родилась и выросла в тех краях, с младенчества приучена к различной работе. Но чувствовала себя там своей, лишь когда была жива мать. А после смерти той поместье стало для нее чужим и полным опасностей.

Недолгий сон выдался тревожным. И, разлепив тяжелые веки, туманный взор Кэт не сразу сосредоточился на обстановке. Тело ныло, а напряженные мышцы болели, и тряска превращала поездку в пытку. Она из-под ресниц посмотрела на графиню, а та величественно откинулась на подушки и, посапывая, дремала. Ее массивная шляпа покоилась рядом на сиденье, а большое пушистое перо на ней развевалось в ритм едущей карете. Теперь Кэтрин видела полностью седые волосы дамы, по-простому зачесанные назад. Прическа госпожи явно не соответствовала положению, но, возможно, это можно списать на преклонный возраст.

Даже спящей эта чопорная женщина пугала девушку. Бледная кожа графини казалась неестественно белой, словно та никогда не бывала на солнце. А черный наряд придавал ей холодную серость. И если бы Кэт не знала наверняка, что Эдит Дельмас жива, подумала бы, что с новой хозяйкой произошло несчастье. Подстегнутая дурными мыслями, девушка затаилась и прислушалась, но между ритмичными постукиваниями колес она лишь слышала тихое дыхание дамы.

Стараясь больше не подглядывать за спящей графиней и не гадать о своем туманном будущем, Кэтрин попыталась задремать. Она опустила голову на спинку с мягкой обивкой, но заснуть так и не смогла. Глаза слипались, а мысли бежали вперед экипажа. Девушка осторожно приоткрыла штору и посмотрела на пожелтевшие бескрайние поля. Солнце медленно опускалось к горизонту, окрашивая небо в розово-фиолетовые оттенки, но тяжелые тучи быстро заволокли яркие краски. И теперь все казалось серым, так напоминающим лицо хозяйки. Задернув штору, чтобы больше не взирать на угнетающую картину, Кэт снова прикрыла глаза.

Гул голосов ворвался в сновидения Кэтрин, и она медленно пробудилась, чувствуя болезненную пульсацию в затылке. Первое, на что наткнулся ее взгляд, – это сверкающие в темноте глаза графини. И, охваченная инстинктивным порывом, девушка неосознанно вжалась в сиденье.

Но пугающее уединение тут же нарушила раскрывшаяся дверь кареты, и в нее проник оранжевый свет лампы. В дверном проеме появился слуга и с превентивной улыбкой произнес:

– Приехали, ваша светлость.

Он подал графине руку, и, тяжело облокотившись на нее, дама покинула экипаж. Следом за ней выскользнула Кэтрин, присутствия которой никто и не заметил. Но Эдит Дельмас не забыла о новой прислуге и, не оборачиваясь, усталым голосом произнесла:

– Эйбут, устрой новую служанку, а завтра дай распоряжения.

Сразу же рядом с девушкой возник невысокий старичок и с любопытством посмотрел на Кэт. После внимательного изучения ее внешности он невнятно пробубнил:

– Идем.

Следуя за мужчиной, Кэтрин отметила, что графиню ждали, несмотря на позднее время. От парадного выхода до кареты выстроилась прислуга, освещающая путь лампами, от которых в прохладном осеннем воздухе витал запах гари. «Да, – подумала девушка, – здесь явно не эко-

номят на освещении», чего нельзя было сказать о поместье Дарреллтон. Там такое количество лам зажигали лишь по великим праздникам, а сами праздники хозяин не любил, поэтому это происходило очень и очень редко. Да и сам замок приятно удивил Кэтрин. Внутри было на редкость тепло и не пахло сыростью. Похоже, и на отоплении здесь не экономят. На каменных стенах, увешанных гобеленами, повсюду висели зажженные лампы, освещающие коридоры. И, несмотря на ночь, в замке было достаточно светло. Даже полы были устланы идеально чистыми коврами, а на каждом шагу стояли тумбы с живыми цветами. Мебель же казалась ухоженной и совершенно новой. Все убранство замка говорило о немалом состоянии владельцев. Даже цветы в нынешнее время были роскошью. С приходом ранней осени все растения увяли.

Мысленно Кэт понадеялась, что и крыло прислуги будет не хуже. Увлеченная обстановкой, девушка не обратила внимания на пристальные взгляды, которые на нее бросают слуги, встречающиеся на пути. А когда заметила, то сразу возжелала поскорее оказаться в той комнате, которую ей отвели.

Крыло для прислуги, конечно же, проще, но там было чисто и на удивление светло. Несколько лам освещали длинный коридор, в котором оказалось немного прохладней, чем в остальной части замка. Но Кэтрин это не смутило, ибо она не привыкла к теплу. Граф Даррелл вообще не беспокоился об удобстве прислуги, и в отведенной им комнате постоянно царил дикий холод и веяло сыростью.

Пожилой слуга остановился и толкнул массивную дверь. Та со скрипом раскрылась. Комната была достаточно просторной. Вдоль стен стояло пять кроватей, а застелена была одна, но и она пустовала. На стареньком столе виднелась лампа, которую старик, не теряя времени, зажег.

– Выбирай кровать, – произнес мужчина. – Свободны все, кроме той. Я скажу Клейм, она принесет тебе постель.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и присела на твердый матрас, подумав, что все лучше, чем солома.

Оставшись в одиночестве, Кэтрин посмотрела на тусклые блики лампы, скользящие желтоватым светом по серой стене, словно тени невидимых привидений, вылезших из укрытий в ночи. «Возможно, здесь не так и плохо, – подумала с грустью Кэт. – И пропади пропадом свобода, неизвестно как там все могло обернуться». А здесь она под крышей, да и с голоду не помрет. Невольно взгляд упал на рваное грязное платье, и с тоской девушка вспомнила, что все вещи оставила в поместье. И среди тех вещей остались дорогие ее сердцу: вышивки мамы и куклы, которые та мастерила для дочери. Слезы подступили к глазам, но, зажмурившись, Кэтрин прогнала их, не позволив пролиться. Она сильная, справится, не время горевать о былом, главное – выжить сейчас.

В ответ ее мыслям со скрежетом распахнулась дверь, и в комнате появился некто, чье лицо Кэт не смогла разглядеть за огромной грудой белья в руках. Вошедшая взгромоздила подушку и одеяло рядом с Кэтрин и, выдохнув, произнесла:

– Велели принести тебе. Я – Клейм.

– Кэтрин, можешь называть Кэт, – улыбнувшись, ответила девушка. – Спасибо.

– Не за что, – отмахнулась Клейм и села на единственную застеленную кровать. – Будем соседями.

– Угу, – пробубнила Кэт и поинтересовалась: – А почему ты здесь одна? В доме мало прислуги?

– Нет, – помахала головой соседка. – Прислуги невпроворот, просто все комнаты заняты, и меня пришлось поселить одну. Но это и к лучшему, тишина, да и я сама себе хозяйка хоть по вечерам.

– Но теперь твое уединение нарушила я, – произнесла Кэтрин, изучая лицо девушки. Довольно красивая, только широкий шрам, пересекающий щеку, немного портит внешний вид.

– Ну, выбирать не приходится, надеюсь, поладим, – ответила собеседница и принялась раздеваться. – Как попала сюда? Сама устроилась?

– Нет, – тихо бросила Кэтрин. – Меня купили.

– Неудивительно, меня тоже.

– У меня нет никаких вещей, Клейм, да и помыться бы не мешало, – грустно пробубнила Кэт.

– Платье прислуги выдадут завтра, а ночнушку могу пока одолжить свою, – улыбнулась соседка, но улыбка казалась неживой, потому что изуродованная сторона лица словно не шевелилась. – Вот с тем, чтобы помыться, будет сложнее. В конце коридора купальня для прислуги, но там вряд ли сейчас есть теплая вода.

– Спасибо, – ответила Кэтрин, испытывая зарождающуюся симпатию к девушке. – Я чувствую себя такой грязной, что и холодная вода – спасение.

3 глава

Кэтрин распахнула глаза, ощущая себя отдохнувшей, как никогда прежде. Через маленькое окошко у потолка пробивались первые лучи солнца. Сладко потянувшись, девушка осмотрелась и заметила Клейм, полностью одетую.

– Поднимайся, сонная принцесса, я тебе платье принесла, – произнесла та и указала на стул возле кровати.

– Благодарю, – ответила Кэт, нехотя выскользнув из-под тяжелого одеяла. И от прохладного воздуха по коже сразу же побежали мурашки, уж очень она облюбовала теплую постель. И теперь замерзла.

Боясь опоздать, Кэтрин торопливо натянула платье, которое оказалось ей слишком велико и ко всему коротко. Но выбирать не приходилось. Подумав, что позже сможет его ушить, если, конечно, найдет нити, девушка туго подпоясалась передником, тем самым, немного скрыв лишнюю ткань.

У двери Кэт помедлила, дожидаясь соседку, и когда та поравнялась с ней, девушка удержала ее за руку:

– Клейм, подскажи, как мне лучше себя вести?

– Думаю, старая графиня тебе все уже рассказала, – почти шепотом ответила Клейм. – Не суй нос не в свои дела и поменьше разговаривай.

Девушка отвечала нехотя, и Кэтрин, пожав плечами, собиралась уйти, но соседка задержала ее и, наклонившись к самому уху, прошептала:

– Я все же дам тебе совет – не высовывайся, а еще лучше – не попадайся на глаза младшему внуку госпожи.

С самого утра из головы Кэт не выходили слова соседки. Она хотела спросить ее, почему ей стоит избегать внука графини, но не успела. Клейм быстро ушла.

Девушке в первый день поручили непыльную работу – управляющий велел следить за чистотой в парадном холле. Но там и без Кэтрин царил чистота. Поэтому полдня она усердно делала вид, что смахивает несуществующую пыль. А потом натирала до блеска и без того идеально чистый камин.

В замке стояла тишина, даже разговоров прислуги не было слышно. Они напоминали мышек, боящихся высунуться из нор. Все строго занимались своими делами, и лишь изредка слышался голос Эйбута, отдающего распоряжения.

К концу дня Кэт заскучала, подумав, что на новом месте не так плохо, как она думала, но все же девушка привыкла к труду. И от безделья Кэтрин находила себе любую возможную работу, даже не поленилась вычистить камин, снова запачкав его сажей. Да и сама измазалась вся.

Она стояла на коленях, тщательно оттирая пятна с белого мрамора, оставшиеся от ее рук. И, услышав тяжелые шаги у входа, вздрогнула. За ее спиной раздался гул мужских голосов:

– Эйбут, где бабушка?

Кэтрин поддело любопытство, и она украдкой повернула голову, тут же отругав себя за глупость, потому что ее глаза наткнулись на любопытный взгляд незнакомца. Молодой человек, облаченный в дорогие одеяния, заметил присутствие Кэт и теперь задумчиво рассматривал ее. Он был высок и хорошо сложен, а лицо... Девушка подумала, что никогда не видела настолько привлекательных людей. И, залюбовавшись незнакомцем, вздрогнула, услышав:

– Кажется, у нас новенькая.

И только теперь Кэтрин заметила рядом с незнакомцем еще одного мужчину. Тот был выше и коренастей. Он скользнул по Кэт небрежным взглядом и направился к лестнице, по которой уже величественно спускалась графиня. Лицо старой дамы сияло, а наряд, как и прежде, оставался кипельно-черным. Она протянула худые руки к мужчине и произнесла:

– Мишель, мальчик мой, как я рада тебя видеть.

Тот поклонился графине и, поцеловав ее руку, удалился. А лицо парня, который продолжал сверлить глазами Кэтрин, расплылось в улыбке, и он немедленно двинулся навстречу Эдит Дельмас.

– Бабушка, – произнес молодой человек, обнимая старуху, – я так скучал.

– Габриель, – ответила с улыбкой графиня и исчезла в объятиях внука.

Кэт, украдкой наблюдавшая за этой сценой, подумала, что это, видимо, и есть внуки госпожи. Но какой из них младший? Кому стоит не попадаться на глаза? Габриэль? Да, парень ниже ростом и худее, только разве это показатель? Невольно Кэтрин отметила, что братья совсем между собой не похожи. Правда, Мишеля ей не удалось рассмотреть, но даже то, что тот брюнет, а Габриэль блондин, говорило о различиях.

Решив больше не таращиться на семейное воссоединение, девушка с еще большим усилием принялась натирать камин. Но краем уха все же прислушивалась к разговору за спиной:

– Надеюсь, вы с Мишелем задержитесь? – с хрипотцой спросила графиня.

– Я думаю, задержусь дома на пару месяцев, – ответил бархатным голосом Габриэль, и Кэтрин с трудом поборола неожиданный порыв обернуться. – А Мишель уедет через пару дней.

– Неудивительно, – вздохнула угнетенно старуха, – у него вечно дела.

Кэт возвращалась в свою комнату около полуночи. Ноги девушки еле плелись. Тяжелая работа не утомляла так, как ее отсутствие. Сил не оставалось даже на то, чтобы раздеться, поэтому Кэтрин рухнула на кровать в платье. А утром, когда проснулась, почувствовала, что вовсе не отдохнула.

Сегодня девушку отправили на кухню. И эта работа ей нравилась больше. Беспрекословно Кэтрин выполняла указания кухарки и не замечала, как быстро течет время за готовкой. В просторной комнате витал пряный аромат жаркого, а также можно было насладиться сладким запахом сдобы, которую пышнотелая женщина выпекала с особой тщательностью. К основной работе кухарка с забавным именем Кайша не подпускала Кэт. Давала девушке лишь мелкие поручения: нарезать овощи, принести воды, помешать суп. И даже за выполнением этих, не столь ответственных заданий следила со всей строгостью. Но Кэтрин не обижалась, наоборот, это ее веселило. Кайша – добродушная женщина, и как бы ни хотела важничать, выглядела лишь забавно. А позже, когда кухарка достала из печи ароматную выпечку, Кэт почувствовала, как засосало под ложечкой. И женщина взяла пышную, румяную булочку и, разломив пополам, протянула девушке со словами:

– Угощайся.

Наслаждаясь сладкой сдобой, Кэтрин чуть не замурлыкала от удовольствия. Давно она не пробовала ничего подобного, нежная мякоть прямо-таки таяла во рту. От смакования булки девушку отвлек недовольный голос Кайши:

– Ступай, девочка, на конюшню и поищи там Шерилин. Скоро кушанья подавать, а она пошла выносить помои и пропала. Опять, поди, на лошадей залюбовалась.

Кэтрин, проглотив последний кусочек, поспешила выполнить поручение. Она не знала, где находится конюшня, ей вообще не приходилось бывать во дворе. Но долго искать не пришлось – девушка спросила у работника, сгребаящего сено на заднем дворе. Подойдя ближе, Кэт услышала ржание лошадей и восхитилась размерами конюшни. Она была огромная, а загон рядом, казалось, не имел конца и края. Кэтрин невольно засмотрелась на маленьких коняшек, резво прыгающих на лугу. Но, быстро себя одернув, вошла в ворота и, дождавшись, когда глаза привыкнут к мраку, крикнула:

– Шерилин.

Ответом ей была тишина, а потом из другого конца послышался звук возни. И Кэт показалось, что она услышала всхлип. Сделав несколько неуверенных шагов вперед, девушка снова позвала:

– Шерилин, ты здесь? Тебя требуют на кухню.

И действительно, навстречу ей выскочила девочка, глаза которой даже в темноте блеснули от слез. Всклипнув теперь уже громче, она промчалась мимо Кэтрин, совершенно не посмотрев на нее. А сама Кэт застыла столбом, не понимая, что происходит. И поняла лишь тогда, когда перед ней возник взъерошенный Габриэль. От неожиданности девушка попятилась назад и, оступившись, чуть не упала. И чем ближе она подходила к выходу, тем сильнее свет падал на лицо парня. И теперь Кэтрин видела, что его голубые глаза сверкают от злости, а губы скривились в ухмылке.

– Простите... я... я не знала, – промямлила девушка, пытаясь оправдаться, и только она хотела убежать, как Габриэль схватил ее за руку.

– И чего же ты не знала? – спросил он, всматриваясь ей в лицо.

– Что вы здесь... – выдавила растерянно Кэт и почувствовала, как его пальцы до боли сжали локоть.

– И что бы изменилось, если знала?

– Я... я... не знаю, мне пора, – прошептала она, пытаясь освободить руку.

– Нет, дорогуша, ты явилась как нельзя вовремя, – одним рывком он дернул Кэтрин к себе, и она чуть не разбила нос, впечатавшись лицом в его каменную грудь.

– Пустите, – промямлила Кэт, чувствуя страх, нарастающий внутри.

– Отпущу, когда сочту нужным, – прошипел хрипло Габриэль.

– Габриэль, ты там? – с улицы донесся мужской голос. И Кэтрин, воспользовавшись заминкой, вырвала руку и помчалась прочь. Яркий свет во дворе ослепил, и девушка даже не заметила человека, в которого врезалась плечом, и, лишь вздрогнув, со всех ног побежала дальше.

4 глава

После происшествия в конюшне Кэтрин ходила и постоянно оглядывалась. Она озиралась по сторонам в темных, безлюдных коридорах замка. Ей казалось, будто за ней кто-то следует по пятам, и стоит расслабиться, как она тут же угодит в капкан.

Тем же вечером Кэт пыталась расспросить Клейм и узнать побольше о Габриэле, но та, шикнув на нее, наотрез отказалась отвечать. Лишь шепотом предупредила, чтобы держалась от него как можно дальше. Именно это и делала Кэтрин последние несколько дней. Она намеренно просилась работать на кухне, стараясь не выходить оттуда без особой надобности. Еще помощницей там была Шерилин. Правда, девочка всячески избегала Кэт, даже когда они оставались одни, она то и дело отводила взгляд или вовсе сбегала.

От кухарки Кэтрин узнала, что Шери (так ее называла женщина), всего четырнадцать лет и она сирота. Мать девочки померла несколько лет назад от чахотки, а отца и вовсе не было. Кэт сразу же почувствовала симпатию к Шерилин, и сочувствие к ней сливалось с ее собственной скорбью. Она прекрасно понимала, что испытывает та, оставшись сиротой, ведь примерно в таком же возрасте и она сама лишилась матери. Но как бы девушка ни пыталась найти подход к

Шери, девочка всячески старалась держаться от нее подальше. И Кэт все гадала, почему? Ведь она не сделала ей ничего плохого.

Рок настиг Кэтрин уже следующим вечером. И наверное, последующие события станут для девушки действительно судьбоносными, потому что отныне ее жизнь в корне изменится. И пусть она еще не знала, что ждет ее впереди, но сразу же почувствовала нехорошее, услышав, как управляющий ледяным голосом произнес:

– Кэтрин, ступай немедленно в покои господина Габриэля и наведи там чистоту.

Руки девушки тут же замерли, и она чуть не выронила блюдо, которое только что с таким усердием вытирала. Кэтрин подняла глаза и вздрогнула, неожиданно наткнувшись на взгляд Шерилин, полный ужаса. Девочка таращилась на нее не моргая и внутри у Кэт зародился невольный страх.

– Но у меня еще гора немытой посуды, – возразила девушка дрожащим голосом, пытаясь спастись, – Возможно кто-то из прислуги менее занят...

– Ты глухая? – недовольно пробубнил Эйбут.

– Нет, – виновато опустив глаза ответила Кэтрин.

– Ты получила распоряжение?

– Д-д-да, – сквозь зубы выдавали Кэт.

– Так выполняй, да поживей, – рявкнул управляющий, собираясь, уходить.

– Но я даже не знаю, где находятся покои господина, – жалобно пропищала девушка. И в эту минуту совсем некстати распахнулась дверь кухни, на пороге которой появилась Клейм.

– Клейм тебя проводит, – бросил ей вслед Эйбут и немедля зашагал прочь.

В голове Кэтрин крутились самые дурные мысли. Она медленно, на ватных ногах, поднималась по лестнице, следуя за провожатой. Та же молчала, нахмурившись, совершенно не обращая внимания на свою спутницу. И лишь в темном коридоре, там, куда не падал свет от ламп, она остановилась и резко обернулась к Кэтрин. После чего схватила девушку за плечи и с невероятной силой прижала к стене.

– Слушай меня внимательно, – прошептала Клейм, тяжело дыша Клейм, а ее глаза блестя, как у безумной. – Что бы там ни произошло, молчи и терпи. И во что бы то ни стало не подавай никаких эмоций.

– О чем ты? – дрожа от страха, промямлила Кэтрин.

– Запомни хорошенько: не сопротивляйся и не кричи. Ради всего святого, только не провоцируй его.

Широко открыв рот, Кэтрин смотрела на Клейм и не узнавала ее. Лицо девушки в темноте казалось пепельно-белым, а руки, сжимающие плечи Кэт, обладали отнюдь не девичьей силой. Девушка хотела спросить, что все это значит, но соседка резко убрала руки, и Кэтрин чуть было не упала. Опомнившись, она подняла голову, а Клейм уже успела отойти на несколько шагов.

Соседка оставила Кэтрин у огромных двустворчатых дверей. Не проронив больше ни слова, Клейм посмотрела внимательно в глаза Кэт и удалилась. И теперь девушка переминалась с ноги на ногу, не решаясь войти. Она не чувствовала себя настолько обреченной даже тогда, когда ее выставляли с остальными невольниками на площади для продажи. Казалось, что стоит войти и выхода назад уже не будет. Дрожащими руками девушка сжала тряпицу, которую захватила с собой для уборки, и, тяжело вздохнув, все же заставила себя войти. И тут же отступила назад и вжалась спиной в закрытые двери.

– Стучать не учили? – недовольно бросил Габриэль, еще мгновение назад стоявший у распахнутого окна, а теперь внимательно разглядывающий невольницу. Парень был без рубашки, хотя в комнате царил прохлада, и Кэтрин могла лицезреть выпуклые мышцы под загорелой кожей. Она невольно покраснела, отметив, что Габриэль довольно неплохо сложен, а бронзовая кожа – большая редкость для человека его положения.

– Простите. Я не знала, что вы здесь,— произнесла Кэт, чувствуя, как пересыхает в горле. – Мне велели навести у вас порядок.

– Что ж, раз велели, наводи,— не отрывая от девушки любопытных глаз, ответил господин.

Кэтрин нерешительно прошла вглубь комнаты и бросилась протирать пыль и раскладывать вещи по своим местам. Однако уборка не ладилась, ибо девушка постоянно чувствовала на себе пристальный мужской взгляд. Спустя некоторое время Кэт заметила, что комната заполнилась полумраком, и, обернувшись к хозяину, произнесла, не поднимая глаз:

– Уже слишком темно, я доделаю работу завтра утром, если вы, конечно, не возражаете.

– Возражаю,— ответил Габриэль, и девушка увидела, как в темноте блеснули его белые зубы. – Мне нужна твоя помощь.

– Что от меня требуется?— машинально протараторила она.

– Помоги мне снять сапоги.

Кэтрин хотела было возразить, но, не посмев, подошла к господину, восседавшему на кровати, и опустилась перед ним на колени. Он вытянул свои длинные, стройные ноги, позволяя девушке стащить с них обувь. Выполнив прихоть хозяина, Кэт резко поднялась, собираясь уйти, но ее кисть сжали горячие пальцы Габриэля.

– Послушная девочка,— похвалил парень с полуулыбкой. – Тебе не говорили, что ты совсем не похожа на прислугу?

– Отчего же? – проглотив комок, появившийся в горле, выдавила Кэтрин.

– Слишком хороша для уборки...

– Выбирать не приходится,— промямлила девушка, дернув руку, чтобы освободиться. –

Простите, мне пора.

– Я тебя еще не отпускал,— недовольно прошипел Габриэль, и теперь его глаза странно заблестели.

Не дав Кэтрин опомниться, парень резко бросил ее на кровать и мгновенно навис над ее телом.

– Красивая,— произнес он, прочертив костяшками пальцев по гладкой щеке. Кэт застыла, боясь сделать вдох, а сердце в груди выбивало колокольную трель.

Расширенными от ужаса глазами девушка смотрела, как Габриэль в один прыжок оседлал ее и уперся руками в подушку по обе стороны от Кэтрин.

– Поиграем?— охрипшим голосом произнес парень. И Кэт хотела было закричать, чтобы он ее немедленно отпустил, но тут же в памяти всплыли слова Клейм: «Молчи и терпи». И пока ее мозг судорожно искал какие-либо пути к спасению, рука Габриэля смяла платье на груди девушки и одним резким движением разорвала его.

5 глава

Кэтрин, обуреваемая паникой, смотрела, как Габриэль растерзал лиф ее платья, оголяя грудь. Перед глазами вспыхнула картина того дня, когда отец так же пытался надругаться над ней.

– Пустите, умоляю, я не хочу! – прокричала в отчаянии девушка, понимая, что ей не одолеть столь крепко сложенного парня.

– Тебя никто не спрашивает, чего ты хочешь, – прорычал Габриэль, и его лицо исказила злость.

Кэт не соображала, все предостережения Клейм в момент вылетели из головы. Как осатаневшая она начала сопротивляться, молотя кулаками по телу парня, и пытаясь когтями вцепиться ему в лицо. Человек, обезумевший от страха, не всегда способен себя контролировать. И Кэтрин, страстно жаждущая освободиться из рук мучителя, обрела небывалую силу. Но звонкая пощечина быстро охладила ее пыл. Застыв, девушка почувствовала, как от боли сводит челюсти, а рот наполняется кровью.

Кэт в отчаянии взирала на господина, последняя капля надежды растворилась у нее в душе. Но ему была безразлична ее немая мольба, он не замечал ничего в попытке получить желаемое. Большая, влажная ладонь накрыла ее грудь и до боли сжала. Вскрикнув, Кэтрин увидела, как из ниоткуда в свободной руке Габриэля появился кинжал. Заворожено Кэт уставилась на серебряное лезвие, переливающееся в пламени свечи. И мозг, скованный ужасом, не сразу просигналил об опасности.

Громко закричав, девушка почувствовала, как по ее ребрам полоснул холодный металл. И боль вспышкой пронзила тело, обжигая кожу горячей влагой.

Слезы катились по щекам, а взгляд, полный страха и муки, искал спасения. Габриэль, словно в не себе, смотрел на рану, которую нанес. А потом прижал ладонь к порезу и, подняв руку, поднес окровавленные пальцы к своему лицу.

Кэтрин вжалась в подушку, глядя, с каким безумным удовольствием парень слизывает кровь с пальцев. Он походил на сумасшедшего, лоб блестел от пота, а зрачки, сверкающие страшным пламенем, были расширены.

Теперь с лицом, перепачканным кровью, он напоминал Кэтрин монстра из самых страшных кошмаров. Негодяй наслаждался зрелищем, словно выпитывал боль, которую причинял девушке. Кэт рыдала в голос, но никто не спешил ей на помощь. Тело, онемевшее от ужаса, ослабло и не хотело подчиняться. Она сделала еще несколько ничтожных попыток скинуть Габриэля с себя. И это не увенчалось успехом, а, наоборот, лишь поддело мерзавца. Схватив Кэтрин за горло, он принялся расстегивать свои штаны, и, оголившись, задрал юбку девушки.

Габриэль навалился на Кэт, разводя коленом ее трясущиеся ноги. Почувствовав, как его твердый орган уперся ей в бедро, Кэтрин осознала, что он пытается сделать. И всей душой не желая, чтобы над ней надругались, девушка призвала все свои силы на помощь. Извиваясь во все стороны, она кричала, плакала и молила не трогать. Взбесившись, Габриэль попытался урезонить Кэт, но новый удар по ее лицу ничего не изменил. Девушка лишь стала елозить пуще прежнего, и парню не удавалось скрутить ей руки.

Поглощенная борьбой, Кэтрин не сразу заметила, как в руках Габриэля снова появился кинжал. И только когда острое мимолетно коснулось ее груди, взбрыкнула и, заорав, сбросила негодя с себя.

Наполнив пылающие легкие воздухом, девушка немедля вскочила на ноги и помчалась к двери. Но взявшись за ручку, остановилась. Обернувшись, она заметила, что Габриэль не шевелится. Он лежал на животе, уткнувшись лицом в пол. Подождав немного в надежде, что парень очнется, Кэтрин на цыпочках направилась к неподвижному телу.

Опасаясь подойти ближе, девушка негромко окликнула:

– Габриэль.

Но тот продолжал лежать, не подавая признаков жизни. Тогда, прижав руки к колотящемуся в груди сердцу, Кэт опустилась на колени рядом с ним. И несмело толкнула дрожащей кистью. И снова ничего, он словно не дышал. Обуреваемая тревогой, девушка попыталась поднять его, и ее пальцы вляпались во что-то липкое и теплое. Перестав дышать, Кэтрин приподняла, насколько это было возможно, Габриэля и обнаружила под ним медленно расплзающуюся лужу крови.

Закричав, Кэт отскочила от парня и бросилась к выходу с гортанным ревом:

– На помощь, господин ранен!

Спотыкаясь, девушка распахнула двери и, оказавшись в ярко освещенном коридоре, зажмурилась, снова позвав на помощь. Тут же в другом конце возникло черное пятно, но мутным взором Кэтрин не могла разобрать, кто направляется к ней. Из ниоткуда рядом возник Эйбут и недовольно забухтел:

– Что натворила, дура?

Следом за ним Кэт вернулась в покои Габриэля и, рыдая, указала на тело:

– Он не шевелится, там кровь.

Управляющий бросился было к парню, но его оттолкнула графиня, вихрем ворвавшаяся в комнату.

– Мой мальчик, – завывала утробным воем старуха, упав на колени рядом с внуком.

– Что ты наделала? – зарычал Эйбут, ударив Кэтрин кулаком по лицу, и, не устояв на ногах, девушка упала.

– Это случайность, – заливаясь слезами, плакала она. – Я... Я не хотела.

– Я выбью из тебя всю дурь, – заорал Эйбут, снова замахнувшись.

– Помоги мне поднять его, идиот, – остановила его хриплым криком графиня.

И забыв о Кэтрин, управляющий поспешил на помощь госпоже. А девушка, продолжая повторять «Я не виновата, это случайность», отползла к стене.

Захлебываясь слезами, Кэт не замечала ничего вокруг, и не обратила внимания на Клейм, опустившуюся рядом с ней.

– Что случилось? – шепотом спросила соседка.

Резко обернувшись, Кэтрин вцепилась дрожащими пальцами в руку Клейм. И, всхлипывая, замотала головой:

– Это случайность, я не хотела.

– Уберите эту тварь отсюда, – эхом по комнате разнесся голос Эдит Дельмас. – Запри в подвале, я собственноручно ее прикончу.

– Сию минуту, ваша светлость, – отозвалась Клейм, за локоть поднимая Кэтрин.

Рыдая и пошатываясь, Кэт позволила соседке увести себя. Каждый шаг давался ей с трудом, ноги не держали и подгибались. В глазах рябил красный ковер, превращаясь на их пути в лужу крови.

Только девушки ступили на лестницу, как до них донесся душераздирающий крик. Кэтрин, всхлипнув, замерла, чувствуя спазмы тошноты, подступающие к горлу. Но Клейм с силой сжала руку спутницы и потащила ту за собой.

Гобелены на стенах сменяли серые камни, и свет от ламп стал тускнеть. Лестница за лестницей, коридор за коридором, шаг за шагом они опустились в холодный и сырой подвал.

Запихнув Кэтрин за дверь темницы, Клейм вошла следом и поставила на неровный каменный пол тускло мигающую лампу.

– Кэтрин, что произошло? – с тревогой спросила девушка.

– У него был нож, Клейм, – осев, прошептала Кэт. – Он порезал меня и, кажется, хотел убить. Я так испугалась, что скинула его с себя. Он упал на пол и больше не поднялся.

– Ох, я же просила тебя терпеть, – Клейм опустилась рядом с дрожащей девушкой.

– Я не могла, это было ужасно. Мне так жаль, так жаль...

– А мне нисколько не жалко этого ублюдка, – со злостью прошипела Клейм. – Мне жалко тебя, девочка.

– Ты знала, что он безумец? – спросила Кэт, подняв на соседку глаза, полные слез и отчаяния.

– Знала... – вздохнув, опустила взгляд та. – Об этом знают все. Только графиня заставила нас молчать. Именно для его безумных утех здесь появились мы с тобой, да и с десятков других девиц. Меня в свое время никто не предупредил, – вздрогнув, Клейм коснулась своей щеки. – И это лишь малая часть того, что он со мной сделал. Ублюдок искромсал моё тело так, что мне самой противно на него смотреть. А ведь я тогда была влюблена, мы собирались с Ошли обвенчаться... Но я так и не посмела изуродованной показаться пред ним.

– И почему Габриэль это делает? – не дыша прошептала Кэтрин.

– Не знаю, никто не знает. Он монстр, а графиня потакает его дьявольскому пороку, заставляя нас молчать, и приводя новых девочек, – ответила задумчиво Клейм. – Тебе больно? Рана кровоточит?

– Мне страшно, Клейм... Господи, мне так страшно, – всхлипнула Кэтрин, прижав к груди разорванные клочья платья.

6 глава

Тьма порой вгоняет в ужас даже тех, кто, казалось бы, уже давно привык к ее различным проявлениям. Особенно тогда, когда этот мрак нескончаемый, и кажется, что в воздухе, наполненном густой чернотой, таятся страшные привидения.

Кэтрин не знала наверняка, отчего у нее внутри появился дикий ужас, разрывающий грудную клетку на части. От страха ли, от холода... А может быть, всему причиной нарывающая рана после воспалившегося пореза? Она не знала и того, сколько времени провела в холодном, сыром подвале. Но чувствовала, будто целую вечность. Из-за запертой двери не доносилось ни звука, лишь скрежет и писк крыс нарушали тишину. И эта тишина, и темнота доводили девушку до безумия. Кэт пыталась разглядеть хоть что-нибудь во мраке, но сколько бы ни напрягала зрение, не видела даже собственной руки, вытянутой вперед. Уже достаточно давно голод терзал желудок жуткими спазмами. И, сидя на ледяном, каменном полу, Кэт со стоном раскачивалась из стороны в сторону. От удушающей безысходности ей хотелось драть на себе кожу и лезть на стену, что она и дела, совсем недавно. Тяжело дыша, девушка ощупывала камни в надежде отыскать какие-либо лазейки, ибо из удивительных историй о замках она помнила, что старинные строения скрывают множество потайных ходов. Однако Кэтрин, прилагая невероятные усилия, лишь расцарапала себе руки, но так ничего и не обнаружила.

Чем дальше Кэт находилась взаперти, тем больше мечтала о смерти. И голод непременно завершит свое дело, если только графиня не объявится раньше. Но возможно, воспаление, охватившее рану, опередит всех. Дикий озноб мучил ослабевшее тело девушки, переходя в нестерпимый жар. В полуобморочном состоянии Кэтрин дрожала, лежа на полу. В какой-то момент, слез не осталось, и она уже не могла проклинать свою судьбу. Кэт всегда считала себя смелой и сильной, до тех пор пока захватившие ее в плен мрак, голод и болезнь не сломили бунтарский дух.

Когда девушка уже не могла поднять головы, неожиданно раздался скрип двери, но у нее не хватило сил посмотреть, кто явился. Кэтрин не шевелилась и лишь краем глаза видела, как рыжий свет от лампы пляшет по каменному полу, отражая тенью силуэт вошедшего.

– Поднимайся, – брезгливо скомандовал мужской голос.

Но девушка не смогла ему ответить, а лишь мотнула в ответ головой. Тогда мужчина, выругавшись, наклонился к ней и рывком поставил на ноги. И не удержавшись на месте, Кэтрин снова осела.

– Рано помирать, – усмехнулся незнакомец, лицо которого Кэт не могла разглядеть из-за помутившегося взгляда. – Главное веселье еще впереди. Стой ровно, если не хочешь получить затрещину.

Девушка выпрямилась и, призвав на помощь все свои силы смогла с трудом устоять. Нет, она не испугалась угрозы, звучавшей в словах этого человека, просто хотела поскорее прекратить свои мучения.

Каждый шаг болезненной резью отзывался во всем теле, и даже тусклый свет лампы выжигал глаза, привыкшие за время заточения к темноте. Мужчина, не церемонясь, тащил Кэтрин за шиворот, но ей до этого не было никакого дела. Липкое, грязное платье льнуло к телу, а когда ткань натягивалась, девушка чувствовала, как та прилипла к ране и отрывалась вместе с кожей. Боль новой вспышкой пронзила мозг, но сил на стоны и крики не осталось; она лишь кусала губы, еле переводя дыхание.

Мужчина выволок Кэт на улицу, и девушка зажмурилась, ослепленная ярким солнечным светом. Оставшись без поддержки, пусть даже и грубой, но все же необходимой в ее измученном состоянии, она повалилась на влажную землю. Свежий, прохладный воздух щипал ноздри, наполняя легкие жизнью. Но, несмотря на то что голова немного просветлела, глаза все еще не

желали видеть. Зато уши прекрасно слышали голоса людей. Разлепив опухшие веки, Кэтрин попыталась рассмотреть происходящее, но, кроме расплывчатых силуэтов, не смогла ничего определить.

– Сегодня эта тварь, – раздался громкий голос Эйбута, – последует за господином, жизнь которого отняла.

Осознав всю суть сказанного, Кэтрин сжалась. Она хотела было крикнуть, что это неправда, что произошедшее случайность, но пересохшее горло издало лишь жалобный хрип.

– Но прежде дрянь прочувствует ту боль, которая ей и не снилась, – снова трезвонил управляющий. И Кэт уловила в его тоне нотки удовольствия. Мерзавец явно наслаждался происходящим.

– Поднять ее, – разнесся хриплый голос графини, напоминающий карканье вороны.

Кэтрин тут же поставили на ноги. Глаза, немного привыкшие к свету, теперь могли различать силуэты людей. Перестав дышать, Кэт увидела, как к ней приближается черное пятно. И ей не нужно было четко видеть женщину, ведь она всем своим существом знала, что это – Эдит Дельмас.

Графиня остановилась напротив пленницы, и откинув черную вуаль с лица, с презрением прошипела:

– Безродная тварь, ты отняла у меня самое дорогое – моего мальчика, мою жизнь, мой смысл. Ты сдохнешь в муках, но даже этого для тебя слишком мало. Твое ничтожное существование ничто по сравнению с его жизнью! Но не надейся, даже на том свете ты не сможешь найти покоя – в скором времени я отыщу тебя и там.

Прозвучала громкая пощечина, и Кэтрин устояла на ногах лишь благодаря рукам, крепко сжимающим ткань вместе с волосами на шее.

– Я собственными руками вытащила кинжал из сердца Габриэля и с огромным удовольствием вонзила бы в твое, но нет, это будет слишком легкой смертью, – голос госпожи дрожал от гнева и ненависти, так что Кэтрин ни на секунду не усомнилась в ее словах.

– Сто плетей, двести, триста, – прокричала графиня, вновь ударив Кэт по лицу. – Забей мерзавку до смерти, пусть захлебнется собственной кровью, а на ее теле не останется ни одного живого места. Раздеть тварь!

После этих жутких слов с Кэтрин резко сорвали платье. Девушка застонала, почувствовав, как ткань прилипшая к ране, нанесенной Габриэлем, оторвалась снова заставив порез кровоточить. Но никто больше не услышал этого жалобного, обреченного всхлипа. Собравшиеся крестьяне были слишком захвачены азартным зрелищем. Они кричали, оскорбляли, плевали в приговоренную к смерти девушку и швыряли в нее все, что только им попадалось под руку. Но Кэтрин не ощущала ни боли от камней, врезающихся в кожу, ни стыда от того, что предстала пред этим сбродом полностью обнаженной. Она простилась с жизнью, отстранившись от происходящего. Преодолевая резь в глазах, Кэт подняла свой невидящий взор к солнцу, понимая, что созерцает его в последний раз.

Ее потащили в центр кричащей толпы и уложили животом на холодный камень. Мысленно Кэтрин молилась, чтобы это холод заморозил ее сердце, так пылко и отчаянно вырывающееся из груди. Она всей душой сожалела о смерти Габриэля, пусть даже тот ее и заслужил. Девушка совершенно не хотела, чтобы ее руки обагрились его кровью, но и виноватой себя не считала. Произошедшее случайность, жуткое стечение обстоятельств, но этого ей теперь не доказать. Да и вряд ли раньше кто-то стал бы ее слушать?! Таким, как она, не дают слова, они виновны уже самим своим рождением. Особенно она, видимо, от судьбы не убежишь. Напрасно старалась ее покойная мать, скрыть существование дочери, дабы уберечь от жестокой участи. Видимо тому, кому смерть предречена еще до рождения, не суждено жить...

7 глава

Не глядя на человека, который туго привязывал руки Кэтрин к крюку, торчащему из земли, девушка устремила взор в небо, что заволокли тяжелые, серые тучи. Мороз, наполнивший осенний воздух, не касался кожи Кэт. Вопреки холоду, ее тело пылало, а душа металась от страха. Еще не полностью осознав весь ужас происходящего, она молила о скорейшем избавлении. И когда плеть с оглушительным свистом опустилась ей на спину, разорвав кожу, Кэт взвыла, позабыв обо всем на свете. Глаза тут же наполнились слезами, но первая капля, скатившаяся по щеке, принадлежала дождю. Небо разразилось ливнем, и прохладные струйки прорисовывали чистые дорожки на запачканном лице. Время словно остановилось, и Кэтрин видела, как крупные капли зависают в воздухе. Даже голоса собравшихся людей на миг утихли. Однако тишину нарушил новый свист плети, сопровождаемый молнией, пронзившей пушистые тучи.

Кэтрин казалось, что она кричит, разрывая горло и грудную клетку. Но нет, девушка издала лишь жалобный писк, который никто не услышал. Боль раздирала тело, наполняя каждую клетку агонией, слезы бессилия вперемешку с дождем катились по побелевшим щекам, смывая кровь с искусанных губ.

Палач, видимо ожидающий более эмоциональной реакции, принялся наносить удары чаще и яростнее. А толпа, разочарованная зрелищем, затихла со скучающим видом. Дождь, продолжающий поливать с потемневшего неба, где не виднелось ни единого просвета, вымочил насквозь всех присутствующих. Но без приказа графини никто не смел уйти с места казни.

Зажмурившись, Кэтрин молила об окончании мук, призывая смерть. Боль, разъедающая кожу, была просто невыносимой, но сил кричать у девушки совсем не осталось. Лишь холодные капли, беспрерывно усыпающие спину, остужали пылающие раны, стекая по телу красными ручейками. Она не знала, сколько ударов ей уже успели нанести, но чувствовала, что жизнь потихоньку покидает ослабевшее тело. Даже слез в какой-то миг не стало, и, обессилев, девушка разжала искусанную до мяса губу.

– Что здесь происходит? – раздался властный мужской голос, и плеть, в очередной раз свистнувшая в воздухе, так и не коснулась тела Кэтрин.

Она хотела было поднять голову, чтобы хотя бы взглядом, поблагодарить появившегося человека за передышку, но не смогла, сознание слишком быстро покидало ее.

– Мишель, мальчик мой, – прокатился хриплый голос графини. Старая дама помчалась к внуку, увязая в размякшей земле. Шлейф ее черного платья волочился следом, оставляя позади гладкую дорожку из грязи.

– Что происходит? – снова повторил Мишель, и его голос вибрировал от гнева.

Толпа расступилась, пропуская молодого графа в гущу событий, взгляд которого был неотрывно прикован к истерзанному телу девушки. И увидев гнев в его глазах, палач выронил из рук плеть и мгновенно осунулся.

Почти упав, Эдит Дельмас бросилась внуку в ноги, но молодой человек успел ее удержать за руки. Вуаль, прикрывающая лицо старухи, вымокла и бесформенной тряпицей липла к коже. Но под ней графиня скрывала покрасневшие от бесконечных слез глаза и горе, отразившееся на коже глубокими морщинами. Все эти дни она не отходила от тела Габриэля, проклиная себя за то, что не уберегла. Даже когда мальчика закопали на семейном кладбище, рядом с ее горячо любимой дочерью, в честь которой она и назвала внука, дама не обрела покоя. А теперь женщина не знала, как сообщить о трагедии единственному родному человеку, оставшемуся у нее на земле.

– За что вы истязаете девушку? – спросил молодой граф, откинув черную вуаль с лица бабушки.

– Эта тварь, – зашипела женщина отрешенно, – убила Габриэля, моего дорогого мальчика...

– Что ты такое говоришь? – прорычал Мишель, сжав тощие руки старухи.

– Да, дитя мое, твоего брата больше нет, – простионала, пошатываясь, дама. – Эта, – она качнула головой в сторону распластавшегося на камне тела Кэтрин, – убила его собственными руками. И она ответит за это жизнью!

– Как такое может быть? – нахмурился парень, не поверив услышанному.

– Кинжал! Она вонзила кинжал в сердце бедного мальчика, – последние капли самообладания покинули графиню, и теперь Эдит Дельмас не смогла удержаться на ногах. Никогда прежде она бы не позволила себе проявлять слабость перед этой чернью, но теперь горе сломило гордость женщины.

– Как это произошло?

– Не спрашивай меня об этом, умоляю...

– Эйбут, уведи графиню! – скомандовал Мишель, и, несмотря на страшную весть, его голос оставался холодным и твёрдым. – А вы все быстро по домам!

Эйбут практически на себе потащил старую даму в замок, и толпа послушно растворилась. Лишь один палач стоял, не решаясь двинуться с места, не зная, что делать с девкой.

Медленными шагами Мишель двинулся в сторону виновницы. Его глаза бродили по хрупкому, изувеченному телу девушки. И мозг отказывался верить, что это слабое существо могло навредить такому крепкому парню, как его брат. Дождь безжалостно хлестал по глубоким ранам, исполосовавшим ее спину, и кровь полотно устилала кожу. Граф не знал, жива ли еще девчонка, не видел лица за растрепавшимися липкими волосами. Но главное – совсем не понимал, чего больше жаждет, – добить ее или освободить. Его разум еще не полностью принял трагедию, и до конца Мишель не верил в происходящее. И, прежде чем приговаривать девку к смерти, он обязан узнать всю правду.

– Убери ее отсюда, – велел граф мужику, с опаской поглядывающему на хозяина.

– Куда, мой господин? – промямлил тот, освобождая руки Кэтрин.

– Куда угодно. Ее судьбу я решу позже, если, конечно, она сама раньше не испустит дух, – отрезал Мишель и услышал, как служанка застонала, когда ее тело небрежно подняли.

Поздно ночью молодой граф, пошатываясь, спустился в подвал. Лампа в его руках, мигая, раскачивалась, отбрасывая кривые тени на каменные стены. Безуспешно он пытался заглушить горе вином, но оно несколько не облегчало муку, а лишь разжигало злость. Мишель не смог узнать от бабушки о произошедшем. Та невнятно твердила, что обнаружила Габриэля с ножом в груди, а рядом была эта дрянь. Прислуга тоже упорно отмалчивалась, говоря, что ничего не знает. Тогда граф решил узнать все от самой виновницы. Он упорно пытался сдержать гнев, бушевавший внутри, боясь придушить девчонку, прежде чем та расскажет о случившемся.

Толкнув дверь, которая оказалась на удивление незапертой, Мишель вошел в темницу, где держали служанку. В темноте он не сразу разглядел силуэт девушки, а заметил ее, лишь когда прошел немного вглубь. Она лежала на каменном полу, прикрытая посеревшей тряпкой, пропитавшейся в области спины кровью.

Поначалу граф решил, что девица уже мертва, но, когда свет упал на ее грязное лицо, уловил, как дрогнули потрескавшиеся губы.

На миг Кэтрин показалось, что она умерла, и боль, измучившая тело, дала временную передышку. Даже тот свет, который девушка увидела во тьме, заставил ее подумать о том, что, должно быть, она уже приближается к раю. Но тяжелые шаги выдернули Кэт из забвения, и она снова почувствовала жуткую агонию.

– Поднимайся, – раздался откуда-то сверху мужской голос. И теперь яркий свет начал досаждать.

Кэтрин попыталась разлепить отяжелевшие веки, но те словно слиплись и не поддавались. Тогда девушка попробовала пошевелиться и испытала отчаяние, не почувствовав собственного тела.

Мишеля еще сильнее взбесило то, что девчонка никак не реагирует. Он несколько раз велел ей подняться, но она не слышала или делала вид, что не слышит. Наклонившись, граф решил поднять ее сам, и, грубо потянув за тряпку, услышал жалобный вскрик. Ткань, прилипшая к израненной коже, натянулась и оголила окровавленную спину, причиняя девушке жуткую боль.

8 глава

Морщась от отвращения, Мишель схватил девушку за грязную и липкую руку, резко поднимая ее. Оказавшись на одном уровне с ним, служанка обвисла, как тряпичная кукла, тихонько застонав.

Глаза Кэтрин пытались привыкнуть к свету, чтобы рассмотреть своего нового мучителя. «Что же за нелюди такие?! Неужели не насладились пыткой и мучением, неужели им не хватило моей боли и крови, что и умереть спокойно не дают?» – подумала бедная девушка.

Граф видел, как красные глаза пленницы блуждают по стенам, мимолетно задевая его лицо. Он понял, что она почти ничего не видит, но ярость разъедала душу, и парень грубо тряхнул ее, чтобы та пришла в себя. Кэт еле слышно застонала, пытаясь выпрямиться и вглядываясь ему в глаза.

Холод пронзительных синих глаз тут же заморозил душу Кэтрин. Лучше б она их не видела, лучше б не смотрела в них. Ненависть, сквозившая в грозном взгляде, вызвала новую бурю страха и странное предчувствие. Жуткое предчувствие говорило о том, что ее страдания вовсе не закончились и самое худшее еще впереди. Выжила! Но для чего? Почему Бог даже теперь не смилостивится над ней? Видимо, действительно настолько виновата и так сильно прогневала его, что Всевышний посчитал ее причастной к смерти Габриэля. И правильно! Да кто она такая, что посмела воспрепятствовать графу? Казалось бы, должна была молча терпеть и подчиняться судьбе, позволив надругаться над собой... Тогда бы уж точно ничего не произошло. И да, девушка пожалела. Она скорбела о произошедшем после пережитого ужаса. Ведь боль, раздирающая тело, заставляет чувствовать вину даже невиновного.

– Отвечай! – зарычал Мишель, вжав ее в стену. На что? Она и вопроса-то не слышала? Пылающая спина, соприкоснувшись с ледяным, влажным камнем, мучительно заныла. Прикрыла глаза, пытаясь свыкнуться с новой вспышкой боли. И благо, что мучитель крепко держал ее за плечи, иначе бы она снова рухнула на пол.

– Как такое ничтожество могло убить моего брата? – его голос бушевал гневом. Она чувствовала это физически, как и боль. С трудом разлепила тяжелые веки и снова посмотрела в синие глаза, ощущая, как замерзает... Замерзает от этой ненависти и отвращения.

– Не убивала, – промямлила она сквозь слезы, от которых щипало глаза.

– Врешь, тварь! – не поверил, и тряхнул ее с такой силой, что девушка шмякнулась о стену.

Кэт взвыла, почувствовав, как острые камни впиваются в раны, заставляя их еще сильнее кровоточить.

Отчаянье и горечь вперемешку со злостью захватили разум Кэтрин. Несправедливо! Она не будет молчать! Да и что ей теперь терять, когда жизнь на волоске, который вот-вот оборвется.

– Добейте уже, наконец! – воскликнула она, выпрямившись. – Добейте, или вам доставляет удовольствие меня мучить?

Мишель отшатнулся, скорчив брезгливую гримасу. Девушка видела, что даже находиться ему рядом с ней омерзительно. Конечно, он – царь и бог! А кто она? Ничтожество, приговоренное к смерти. Без возможности защититься, без возможности сказать слова. Не имеет права, потому что никто. Нет, скорее ничто!

– Добью, как только признаешься, за что убила брата? – отрезал хозяин, схватив дрожащую девушку за шею, и отвращение тут же побороло гнев.

– Я уже сказала, что не убивала. Но такой ответ вряд ли вас устроит, – ее голос был тихим, но звучал уже более уверенно. Кэтрин чувствовала, как его сильные пальцы все сильнее сжимают шею, но пока это не причиняло дискомфорта. Да и какой может быть дискомфорт, когда все тело пылает, будто брошено на раскаленные угли.

– А ты, я смотрю, слишком дерзкая для смертницы. Не боишься умирать? Отлично!

Пальцы Мишеля с огромной силой вцепились в ее кожу. Почувствовав, как бешено под ними пульсирует жилка, он продолжил:

– И боли не боишься?

– Хм, – смогла лишь усмехнуться Кэт, преодолевая спазмы в горле. – Боль? Вряд ли может быть больнее!

– Ошибаешься, – его лицо приблизилось вплотную, обжигая ноздри девушки едким запахом спиртного. – Знаешь, что такое четвертование? Когда медленно отрывают части тела одну за другой, одну за другой. Такую пытку не выдерживают даже самые сильные солдаты. Представляешь, как они орут, когда им под ногти засаживают раскаленные иглы? Поверь, плоть покажется тебе цветочками.

– У-у-у, – Кэтрин отрицательно мотнула головой, чувствуя, как ужас сковывает сердце. – Вы такой же садист, как и ваш брат! – выплеснула ему в лицо в отчаянье.

– Что ты сказала? – Мишель зарычал, как дикий зверь, и сильно ударил ее головой о стену.

– Правду... только правду, – всхлипывая, простонала Кэт.

– Какую еще правду? За такие слова я собственноручно вырежу твой лживый язык. Он снова тряханул ее, и ткань, которая прикрывала обнаженное тело, скользнула к ногам, цепляясь за раны.

Глаза графа потемнели и теперь так напоминали Габриэля в тот роковой день. Ярость без капли сочувствия бушевала во взгляде, выплескиваясь за его пределы.

– И что же в тебе такого ценного, что ты посчитала это недостойным моего брата? – отступил, продолжая удерживать девушку на расстоянии вытянутой руки.

Взгляд Мишеля скользнул по телу девушки, мерцающему в рыжем свете лампы. Полная, высокая грудь, перепачканная грязью и кровью, плоский, слегка подрагивающий живот, вздымающиеся ребра, выступающие из-под кожи, а на них длинный, еще не затянувшийся рубец.

«Ничего особенного, – вынес парень свой вердикт. Да, может, и хороша, но ничем не отличается от других. Так за что же брат поплатился жизнью?»

– Говори! – потребовал он грозно, видимо, потеряв терпение. – В последний раз спрашиваю, за что ты убила Габриэля?

– Я не убивала! – решительно прокричала в лицо мучителю. – Это несчастный случай, самозащита, но не убийство!

– Врешь!

– Если не верите, зачем тогда спрашиваете? Иного ответа не будет! – размазав слезы дрожащей рукой, Кэтрин ссутулилась, пытаясь скрыть наготу.

– Потому что хочу знать все в подробностях, чтобы, когда начну сворачивать твою грязную шею, представлять, как ты убивала его. – рука Мишеля демонстративно сдавила ей горло.

– Вы такой же монстр, как и он. Хотите правды? Хорошо, но не уверена, что она вам понравится, – вздернула голову девушка и с вызовом посмотрела ему в глаза. Кэтрин была уверена, что он и так знает правду, но пусть, если хочет, услышит и от нее.

– Ваш брат безумец! Он на протяжении долгих лет истязал бедных девушек. Тех, которых ваша бабка покупала для него, – эти слова Кэт произносила с презрением, и в тот момент перед ее глазами стояло искалеченное лицо Клейм. – Да, да графиня поощряла его дьявольский порок, заставляя прислугу молчать. В тот день и меня подослали к нему, сославшись на то, что нужно срочно убраться в покоях его светлости. Но я там обнаружила... Габриэля. Он силой

затащил меня в постель, а когда я посмела сопротивляться, достал нож. Никогда не забуду его глаз. Они словно были нечеловеческие, зрачки такие огромные, что ввергали в ужас. Я перепугалась до смерти и хотела высвободиться из его лап. Но когда он полоснул лезвием по моему телу, – девушка трясущейся рукой коснулась пореза под грудью, – я и вовсе обезумела. Из всех сил попыталась скинуть его, и, когда мне это удалось, решила убежать, но заметила, что Габриэль лежит на полу, не шевелясь. Падая с кровати, он напоролся на кинжал, который был в его руках. Я не убивала его! Клянусь, это несчастный случай. Видит бог, я не желала ему смерти...

Воспоминания настолько захлестнули девушку, что, рассказывая, она задыхалась, а слезы градом катились по перепачканным щекам. Мишель выслушал ее, не шелохнувшись; лицо парня не выражало никаких эмоций. Но в глазах продолжали бушевать все те же холод и недоверие. Конечно, он не поверил ей! И разве могло быть иначе?

– Гнусная ложь, за которую ты заплатишься жизнью! – выкрикнул граф ледяным голосом, от которого по коже Кэт побежали мурашки.

– Я знала, что мое признание окажется бессмысленным, – всхлипнула девушка обреченно. – Таким, как я, никто не верит! Но есть и другие девушки! Поговорите с ними, осмотрите их изуродованные тела! И я погляжу тогда, что вы скажете!

9 глава

Мишель разжал пальцы, и, услышав, как они захрустели, Кэтрин рухнула на пол, сильно ударившись головой. В глазах раздвоилась лампа, стоявшая неподалеку, и свет от нее резко замигал по темнице. Еще не до конца придя в себя, пленница уловила, как с грохотом затворилась тяжелая дверь. Ушел. Девушка выдохнула с облегчением. Однако радоваться было особо нечему, вряд ли передышка будет долгой. А признание Кэт явно еще пуще разгневает старую графиню. До ее смерти наверняка остались считанные часы. Она чувствовала, что конец не будет легким. И, несмотря на жуткую боль, терзавшую тело, Кэт ощутила страстное желание жить. Нет, даже не жить, а обрести покой, будучи свободной. Она до отчаяния захотела снова увидеть звездное небо, без сомнения, на улице ночь. Прикрыв глаза, словно наяву, ощутила, как легкие наполняются прохладным, свежим воздухом. И жалобно застонала, обреченная на гибель в затхлом подвале. Но почему? Ведь можно попытаться... Да и что теперь может ее утратить?..

Девушка дотянулась дрожащей рукой до ткани и, приподнявшись на колени, укуталась в нее. Единственная надежда была на то, что, возможно, в спешке граф не запер дверь. Господи, как же она надеялась на чудо! Понемногу встала, опираясь о скользкую стену, поросшую плесенью. Затем выпрямилась, остро чувствуя, как кожа на спине натягивается, раскрывая глубокие раны. Но, охваченная сумасшедшей надеждой девушка не почувствовала столь сильной боли.

Она добралась до двери и тихонько толкнула ее. Та со свистящим скрипом начала медленно открываться. Сердце в предвкушении долгожданной свободы до боли ударило по ребрам. И, унимая жуткий озноб, Кэтрин поплелась к выходу. Она не знала наверняка, как выбраться из жуткого подвала, лишь смутно помнила путь, которым Клейм ее сюда вела. Опираясь о стену, девушка двигалась прямо, надеясь, что когда-нибудь эта темнота закончится. И кажется, Господь все же сжалился над ней. В конце бесконечного коридора Кэтрин увидела свет луны, исходящий из окна у потолка, и неподалеку – дверь. Ускорившись, девушка бросилась к выходу, полагая, что он непременно выведет ее на улицу. И снова удача: поднявшись по обшарпанной лестнице, Кэт вышла во двор, где не так давно подвергалась мучительным истязаниям. Полумесяц ярко освещал улицу, которая, словно в сказке, была покрыта сверкающим инеем. Осень всюю распустила свои крылья, и землю окутали первые заморозки.

Осмотревшись по сторонам, Кэтрин выбрала путь, по которому сможет сбежать незамеченной. Выходить через главные ворота было бы безумием, да и наверняка они заперты. Но

она знала из своих редких прогулок, что за конюшной загон уходит далеко в поле, а за ним лес, и, возможно, там сейчас нет сторожа.

Видимо, ночь была глубокой, потому что, пробираясь к конюшне, Кэт не встретила ни единой живой души. Обходя загон с жеребцами, девушка шептала про себя: «Только бы не заржали, только бы не заржали». И благородные животные, словно почувствовав страх и отчаянье девушки, проводили ее лишь тихим фырканием. Выдохнув, Кэтрин из последних сил рванула к другому краю загона, придерживая руками ткань, развевающуюся на ветру.

Сердце бешено колотилось в груди, еще немного и... свобода! Пусть ненадолго, пусть даже на миг, но она умрет свободной.

Липкие волосы льнули к лицу, застилая глаза, но Кэтрин не обращала на них внимания, видя в лунном свете очертания леса, в котором желала укрыться. Еще немного, еще чуть-чуть, и она скроется в вечнозеленой гуще. Но чем меньше становилось расстояние, тем быстрее силы покидали девушку. Голод и потеря крови давали о себе знать, делая ноги почти что ватными. Ей стоило огромного труда перелезть через высокое деревянное ограждение, а на той стороне она и вовсе рухнула на промерзшую землю.

Немного отдышавшись, Кэтрин поднялась. Казалось, что до леса можно дотянуться рукой. На бег не осталось сил, и девушка плелась, с трудом перебирая ногами. Вымотанная, она не сразу заметила, что первые кривые ветки клена цепляются за ее волосы и единственную одежду. С каждым шагом темнота становилась все сильнее, а величавые сосны гуще смыкались у неба. Обессиленная, Кэтрин ощутила, как к ней подбирается ночной холод, и постаралась сильнее укутаться в тонкую ткань, которая, пропитавшись кровью и потом, вовсе не согревала.

Она ступала, чувствуя, как под босыми ступнями трещат ветки и шишки. Но силы все убывали и убывали. Наконец, когда ноги совсем отказались подчиняться, девушка рухнула на мягкую почву. Она подняла усталый взор к небесам улыбаясь луне, пробивающейся сквозь густые ветки. «Ну что ж прощай, золотая», – мысленно произнесла она, нисколько не сожалея, что именно здесь ее настигнет конец. Даже если ей и не грозит умереть от бессилия, то уж точно стужа довершит начатое. Ничего страшного, вряд ли она почувствует боль. А разум тем временем все более мутнел и уносил сознание в даль. В последний раз девушка взглянула на небо и безмятежно прикрыла глаза...

Эдит стояла у камина, совершенно не чувствуя его тепла. Она заставляла своего преданного слугу снова и снова подкидывать дрова, но, устав от мигания огня перед глазами, отругала и прогнала. Костлявая рука дамы коснулась массивного ожерелья на шее, и женщина, тяжело вздохнув, прикрыла глаза. Как же она любила, когда ее прекрасная дочь надевала эти рубины, они так шли к алым губам Габриэлы. А теперь графиня носила их в память о дочери, прекрасно зная, что с ее бледной кожей ожерелье смотрится чересчур вульгарно. Столько лет прошло, а она все так же тоскует по своей девочке, и вряд ли тоска пройдет, пока Эдит жива. А теперь и ее мальчик... Дитя, которому ее дочь даровала жизнь ценою своей. Она поклялась защищать и оберегать внуков, но не сдержала слова, данного Габриэле на смертном одре. Эта тварь, грязная девка, графиня скукожилась, чувствуя непреодолимую ненависть, отняла ее горячо любимого внука.

Едва старая дама опустилась в мягкое кресло, как услышала шум, доносившийся из-за двери. Она заставила себя встать и взглянуть, что происходит. Неожиданно ее взору открылась картина, где ее прислуга торопливо устремила вниз. Схватив черный халат, графиня последовала за ними, не понимая, почему так поздно никто не спит.

Мишель терпеливо ждал, облокотившись о стену. Он велел Эйбуту собрать в холле всех служанок. Тот удивился столь позднему приказу, но противиться не посмел. Теперь граф наблюдал, как растрепанные девушки в одних ночнушках спешат выстроиться перед ним.

Когда дворецкий сообщил, что все в сборе, Мишель обвел присутствующих тяжелым взглядом и боковым зрением заметил на лестнице черное пятно. Он обернулся, увидев мед-

ленно спускающуюся бабушку. На ее сморщенном лице отражались тревога и недоумение. И граф понял, что она собирается вмешаться.

– Дражайшая графиня, прошу вас удалиться в свои покои, – произнес Мишель голосом, не терпящим возражений. Он прежде не позволял себе грубости в отношении бабушки, но теперь ситуация вышла из-под контроля. Пожилая дама замерла, словно решая, что ей делать дальше, но, встретив злой взгляд внука, развернулась и затрусила прочь, не скрывая глубокой обиды.

– А теперь, вы дамы, раздевайтесь! – скомандовал он.

10 глава

Девушки растерянно переглядывались друг с другом, не торопясь выполнять приказ графа. Даже Эйбут от удивления открыл рот, оголив свои неровные, желтые зубы. Потеряв остатки терпения, Мишель подошел ближе к прислуге, сложив руки за спиной.

– Вы плохо слышите? – недовольно бросил мужчина. – Я сказал раздевайтесь, не заставляйте меня применять силу!

Одна за другой перепуганные служанки начали скидывать с себя ночнушки, пытаясь дрожащими руками прикрыть наготу. Когда оголились все, и одежда небрежно покоилась у их ног, Мишель направился вдоль ряда стоящих, хмуро разглядывая обнаженные тела.

Кожа первых нескольких девушек была чиста, и их пухлые тела украшали лишь родинки. А следующая стояла, дрожа от страха, и ее впалый живот разрисовали длинные кривые шрамы. Заметив, что граф остановился напротив нее, внимательно рассматривая, она еще сильнее прижала руки к груди, глотая беззвучные всхлипы.

– Откуда? – спросил он, указав головой на увечья.

– Не-е помню, – потупив взор, ответила та.

Тела следующих трех служанок были также исполосованы рубцами, но Мишель прошел мимо них. И остановился лишь напротив единственной, которая посмела смотреть ему в глаза. Ее юное лицо обезображивал грубый шрам, а плечи, грудь и живот, которые она вовсе не прятала, не имели живого места.

– Может, ты мне скажешь, кто наградил тебя такой красотой? – спросил граф, помрачнев от гнева.

– Скажу, – промолвила тихо служанка. – Ваш покойный брат постарался...

– И с остальными? – голос Мишеля охрип.

– И с остальными...

– Клейм, заткнись, – попробовал было вмешаться Эйбут, но господин смерил его убийственным взглядом, и тот сжался.

– Пошли все вон! – бросил девушкам Мишель, поспешно направившись к лестнице. И когда его грозный силуэт скрылся на втором этаже, стены замка сотряс яростный возглас:

– Бабушка!

Эдит Дельмас вздрогнула, услышав голос внука, который казался незнакомым. Она только и успела обернуться, когда двери в ее покои с грохотом раскрылись.

– Ты сейчас же расскажешь мне правду! – зарычал Мишель, сверкая глазами, налившимися кровью. – Или я за себя не ручаюсь!

Графиня ждала этого разговора, она поняла, что он неизбежен, когда услышала приказ внука «Раздеться!», адресованный служанкам. Кто-то проболтался, и сомнений, кто именно, у нее не было. Проклятая девчонка! Мало того что забрала жизнь Габриэля, так теперь еще и память о нем омрачила.

– Говори! – потребовал снова Мишель, встав напротив старой дамы, которая на его фоне казалась иссохшей каргой.

– Твой брат был болен, – выдохнула женщина, спрятав подрагивающие руки в складках платья. – Это ты хочешь услышать?

– Больные такое не вытворяют! – взвыл граф, взъерошив свои волосы.

– Это проклятие Габриэль унаследовал от вашего отца, – рухнув в кресло, промолвила Эдит. – Я так молила Бога, чтобы оно обошло вас стороной, но, видимо, он не внял моим молитвам. Я так старалась, чтобы ты забыл тот ужас...

– Что ты говоришь? – Мишель не понимал невнятных слов, произнесенных бабушкой.

– Ты был крошечным, когда я узнала страшную тайну твоего отца. Я провожала тебя ко сну, и мы услышали крик твоей матери. Открывая дверь ее комнаты, я и помыслить не могла, с каким ужасом мне придется там столкнуться. Твой отец с обезумевшим лицом навис над моей девочкой, сжимая кинжал в руках. Ее тело было всё в многочисленных порезах, а острое лезвие приближалось к животу, в котором находился твой брат. А ты, глупыш, последовал за мной и увидел весь ужас происходящего. Я так боялась, что твой разум повредится после произошедшего, но даже и подумать не могла, что беда коснется Габриэля... Позже дочь рассказала, что этот недуг мучил твоего отца с детства. Он зверел и тогда вытворял страшные вещи, а к рассвету просто не помнил о содеянном.

Она рассказывала ему в слезах, и он рыдал вместе с ней, вымаливая прощения. Габриэля любила мужа и молча сносила все издевательства. А я любила твоего брата и не могла отвернуться от него из-за страшного недуга.

– Ты должна была рассказать мне! – воскликнул Мишель, до глубины души поразившись услышанному – Сколько лет ты покрывала эти истязания в моем доме?

– А что бы ты сделал, Мишель? – устало промолвила дама. – Посчитал бы его прокаженным и отослал подальше от себя в монастырь?

– Я бы нашел выход, ведь должно существовать какое-то излечение!

– Нет, думаешь, я не искала, – отмахнулась графиня. – Когда я впервые узнала, что проклятие перешло к моему мальчику, не поверила, списав происшествие на юный возраст. Ведь ему было тогда всего двенадцать, а я так боялась проявления страшного недуга. Он однажды пришел ко мне весь в крови, признавшись, что убил свою любимую кошку. Я спросила, за что, а Габриэль, рыдая, ответил, что не знает. Но подобного не повторялось... До шестнадцати лет. А после конюх обвинил мальчика в том, что он чуть не задушил его дочь. Я заставила их молчать, заплатив немалую сумму. И конечно, принялась искать то, что способно его излечить, но сколько врачей ни осматривали внука, сколько целителей ни давали своих снадобий, пророча скорое выздоровление, ничего не помогало. Временно пришлось его изолировать. Однако когда наступали те темные моменты, он крушил все вокруг, начиная вредить даже себе. Габриэль был не виноват, что унаследовал столь страшное проклятие. Думаешь, он этого хотел? Разве ты помнишь его жестоким? Или грубым? Вспомни! – утерев слезы, потребовала Эдит. – Он всегда был веселым, жизнерадостным мальчиком.

Да, Мишель помнил его именно таким: беззаботным, шепутным младшим братом. Оттого и в слова бабушки было сложно поверить.

– Восемь лет, – опустив голову, произнес граф. – Восемь лет ты скрывала правду. Целых восемь лет! Уму непостижимо! Ты превратила родовой замок в пристанище дьявола. Ты поощряла его безумия, приводя к нему новых девушек. Это ты должна быть проклята за содеянное.

– Не говори так! – прокричала графиня. – Я просто боялась, что он навредит себе. Хотела спасти его и защитить! Кто они, эти девушки? Рабыни, которые, не подбери я их, давно бы сгнули. А здесь они под крышей, в тепле и сыты. Габриэль лишь малая плата за их жизнь.

– Да ты сама безумна! Брата нужно было защищать от тебя! – прорычал Мишель ей в лицо. – Если бы ты только рассказала, я нашел бы выход, и он был жив! Но нет, ты решила молча потакать пороку, вместо того чтобы его искоренить.

– Глупец, – отчаянно выкрикнула старуха. – Ты ничего не знаешь об этом. И благодари Бога за то, что проклятие не коснулось тебя. И моли Его, чтобы оно не передалось твоим сыновьям.

– Вы больны, дражайшая графиня! И ваша болезнь именуется сумасшествием, – промолвил, брезгливо отшатнувшись, Мишель.

– Моя болезнь – слепая любовь к детям дочери!

11 глава

Мишель метался по комнате, не находя себе места. Распахнул окно и впустил внутрь холодный ветер, от которого тут же замаячило пламя в камине. Слова бабушки не выходили у него из головы; они как эхо слышались снова и снова: «Благодари Бога за то, что проклятие не коснулось тебя». Но точно ли не коснулось? Сейчас душу мужчины бередили сомнения. Все услышанное казалось бредом сумасшедшей старухи, и если бы не изуродованные тела служаков, Мишель ни за что не поверил бы в произошедшее. Однако факты говорили сами за себя. И теперь граф не знал, как ему поступить с ужасной семейной тайной. Не знал, обошло ли его стороной безумие. Нет, он никогда не был жесток с женщинами. Но на войне в жестокости с ним вряд ли кто-либо мог сравниться.

Мишель впервые задумался: насколько нормальна его кровожадность? Граф сам лично, не морщась, пытал пленных, и их боль и крики не вызывали у него совершенно никаких эмоций. Он был безжалостен на поле боя и не щадил никого. Но то была война, а в жизни мужчина не проявлял подобной жестокости. Теперь голову бередили жуткие мысли: что, если он не уподобился брату лишь потому, что крови ему хватало на поле боя?

Слова бабушки не давали покоя. Мишель злился на нее и в то же время отчасти понимал. Уйдя в армию, он взвалил на плечи старой женщины все хлопоты по управлению замком. Да и воспитанием Габриэля занималась непосредственно она, в то время как Мишель рос самостоятельно. Граф не обязан был служить, так как унаследовал титул и огромное состояние. К тому же он получил все обязательства по управлению столь огромным наследством и мог начать думать о продолжении великой династии. Но еще в пятнадцать лет Мишель понял, что его прельщает служба. И когда все-таки принял окончательное решение, все очень удивились. Бабушка принялась его отговаривать, но он оставался непреклонен. На восемь лет его затянула военная жизнь, а поле боя заменило родной дом. Да и двор короля принимал его как героя, женщины сами кидались к нему в постель. Мамаши же толкали своих юных дочек к нему под ноги, мечтая выдать их за благородного графа, в придачу ко всему и обеспеченного. Он наслаждался таким раскладом и без страха бросался в бой, не боясь получить очередное ранение.

Известие о мирном договоре нимало огорчило Мишеля, ведь к тому времени он уже являлся капитаном королевской армии и приближенным самого короля. Тогда мужчина не сдержался и высказал все, что думает об этом абсурдном договоре, на совете.

– С чего они согласились на это сейчас? – он недовольно ударил ладонью по карте. – Тогда, когда мы оттеснили их армию за свои границы и отвоевали часть вражеской территории?

Мишель обвел пальцем недавно завоеванные земли.

– Это решение короля, и не вам его обсуждать, капитан! – отрезал генерал, нахмутив брови. Он тоже не был в восторге от такого расклада, но возражать его светлости не посмел.

– Не мне. – согласился Мишель, прекрасно понимая причину мира, так как королевская казна была пуста, а армия требовала немалого обеспечения. – Но я был там и знаю, что вражеская армия, как никогда, истощена и именно сейчас очень уязвима. Нам не составит труда в считанные дни разбить ее.

– Капитан Дантон, знайте свое место, и не забывайте, что и наша армия на грани. Люди устали от затянувшейся войны и хотят покоя, – возразил советник короля, поправив напудренный парик. Да что этот сноб может знать об армии, как, впрочем, и о самой войне? Можно подумать, что совет когда-то интересовал простой люд. Голод, чума, бесчинства свирепствуют за пределами королевского дворца, и кому до этого есть дело?

Возмущению Мишеля не было предела. Он понял, что доказывать совету что-либо бесполезно, и обреченно удалился от двора. Вернулся лишь, когда король лично послал за ним

гонца с требованием немедленно явиться ко двору. Конечно, же граф понимал, что это требование не полностью принадлежит Его величеству. За те месяцы, что не появлялся во дворце, он получил кучу писем от принцессы Агнес. Мишель часто вспоминал белокурую красавицу, короткая вечера в поместье Дантон: там он в последнее время проводил большую часть времени, вдали от бабушки и брата.

Но теперь брата нет, бабушка обезумела от горя, а мысли Мишеля находятся в страшном беспорядке. Почему-то именно сейчас он вспомнил день, когда их, сопливых солдат, привели впервые на пытку. Всех ребят вывернуло, а он смотрел, не моргая, за что и получил свою первую похвалу. А теперь все это казалось странным... Не от того ли он был так непроницаем, что жестокость у него в крови? Вспоминая прошлое, Мишель не казался себе больше бесстрашным, наоборот, теперь он видел себя безумцем. Он мог до смерти пытаться шпионов, забрызгав свое лицо кровью, и не испытывал никакой жалости, когда те выпускали дух. Не ощущал горечи, теряя близких соратников на поле боя, считая, что война может отнять все. Впервые узнал боль от потери, когда услышал о смерти брата. Сначала граф думал, что все дело в их родственной связи и погиб его брат, увы, не на войне. Но теперь он находился в смятении, и вся его жизнь казалась ложью. Как будто в этот самый момент глубоко в себе граф почувствовал совсем другого человека: монстра, которого взращивал на протяжении многих лет, наблюдая за чужой болью. А что, если он хуже Габриэля? Что, если извращенный войной порок окажется смертельным для окружающих?

Мишель рухнул в кресло, обхватив руками голову. Все эти жуткие мысли выжигали мозг. Да еще и алкоголь добавлял пламени. Возможно, все это бред, и так влияет на него потеря брата. И он вовсе не безумец, а мужчина, закаленный войной!

Лишь под утро, когда солнечный свет проник в окно, и лампы уже давно догорели, Мишель вспомнил об истерзанной девушке, запертой в подвале. И вдруг осознал, что не представляет, что с ней делать. Отпустить пленницу граф не мог, так как она знает тайну их семьи. На убийство тоже рука не поднималась, хоть он и считал, что служанка отчасти причастна к гибели брата. Оставить в замке то же, что подписать смертный приговор: графиня не упустит шанса при удобном случае избавиться от девчонки. Уповать оставалось лишь на то, что израненная невольница не доживет и до рассвета.

12 глава

Поздним утром Мишель решил навеститься в подвал, чтобы проверить, как там пленница. Жива ли? И каково же было его удивление, когда он не обнаружил девчонки на положенном месте. Граф никак не мог понять, как ей, обессиленной и израненной, удалось сбежать незамеченной.

– Найти пленницу! – бушевал Мишель, собрав всех рабочих у ворот замка. – Живой или мертвой, но найти!

– Мой господин, – из толпы выступил здоровый бородатый мужик, – если волки нашли девку первой, то от нее небось и костей не осталось.

– Значит, вы отыщете доказательства того, что ее сожрали волки! – гаркнул граф сердито. – Повторяю: без живой или мертвой девчонки не возвращайтесь!

Люди молча рассыпались по двору, кто в лес, кто в поле, а кто – в соседние деревни. Мужчина понимал, что служанка не могла уйти далеко, ибо была слишком слаба. Скорее всего, действительно ее в лесу разорвали дикие звери. Такой исход вполне устраивал графа, только нужно было удостовериться в этом наверняка.

Пришпорив коня, Мишель направил животное к лесу, дабы подозревал, что именно там укрылась служанка. Внутри у него все клокотало от гнева: «Да как она вообще посмела бежать? Да еще часовой, видать, уснул на посту, за что тоже понесет строгое наказание. От капитала Дантона еще не удавалось сбежать ни одному пленному, а осмелившегося ждет неминуемая гибель».

Еще не совсем пробудившись, Кэтрин почувствовала резкие запахи сала и трав, щековавшие ее ноздри. «Неужели и на том свете присутствуют земные ароматы?» – пронеслось у нее в голове. Приоткрыв слипающиеся глаза, мутным взором девушка напоролась на плавно мерцающий огонь неподалеку. Немного пошевелившись, она ощутила, как спина вновь заныла. Разве мертвые ощущают боль? Или она все же жива? Теперь уже в смятении Кэт проморгалась, пытаясь лучше разглядеть обстановку. Напротив находилась печь, в которой дымился закоптившийся котелок. Рядом стояли деревянные покосившиеся стол и стул, а она лежала на животе на твердой кровати. Не понимая, где находится, девушка попыталась приподняться на ослабленных руках, но это ей не удалось. И снова рухнув на жесткую постель, Кэтрин ощутила под собой грубую мешковину.

– Не двигайся, дочка, иначе раны опять разойдутся, – донесся до нее мягкий мужской голос, заставивший Кэт насторожиться. Девушка попыталась обернуться, желая разглядеть говорившего, и почувствовала сильнейшие рези, пронзающие спину. Но все же увидеть человека она смогла. Бородатый дедушка сидел в углу на соломе, и пушистые, седые брови практически скрывали его маленькие глаза.

– Где я? – тихо прошептала Кэтрин, заметив, что каждое слово дается с трудом.

– В скромном жилище лесника, – ответил, поднявшись, старичок и, подойдя к печи, принялся помешивать содержимое котелка.

Дедушка был невелик, наверное ниже Кэтрин на полторы головы, и в своих громоздких лохмотьях выглядел довольно забавно. Девушка отметила, что не боится незнакомца и совершенно не чувствует исходящей от него опасности. Возможно, готовность встретиться со смертью приглушила ее инстинкты самосохранения.

– Как я оказалась здесь? – продолжала любопытничать Кэт.

– Анадьсь ночью отбил тебя у волков, намереваясь похоронить по-человечески, – не оборачиваясь, молвил старик. – А ты оказалась живехонькой.

– Благодарю, – произнесла Кэтрин, не скрывая горечи в голосе. – Но, боюсь, ваши старания напрасны.

– Уж не знаю я, за что тебя так, – махнул дедушка головой на ее спину, усевшись на стул, – но вряд ли ты заслужила пойти на корм лесному зверью.

– Заслужила не заслужила, кому какая разница! – опустив голову на руки, ответила Кэтрин. – А найдут – жизни все равно не дадут.

– Ну ты, дочка, погоди, не гони лошадей, поправляйся, а там видно будет.

– Не хочу я, дедушка, чтобы и вас из-за меня покарали, – жалостливо прошептала Кэт, растроганная до глубины души его добротой.

– Не сокрушайся понапрасну, никто не знает, где моя хижина. Коли только звери, а они-то тропу не укажут, – отмахнулся старик, и Кэтрин показалось, будто под густыми усами его губ промелькнула улыбка.

– Спасибо, добрый вы человек, – поблагодарила девушка, смахнув ресницами слезы, застилающие глаза.

– Добрый то добрый, только добро не ценится в народе, вот и живу в лесу. Даже дикие животные порой лучше людей.

Да, в этом Кэтрин не сомневалась – зла от представителей человеческого рода она хлебнула сполна. Может, за это и сжалился над ней, наконец, Господь и послал спасителя в лице душевного лесника.

– Нужно раны мазью обработать, дочка, – произнес дедушка, взяв в руки глиняный горшок. – Жечь будет сильно, но зато кожа быстро зарастет.

– Спасибо, – только и проронила Кэтрин, подумав, что страшнее боли, которую она пережила, уже и быть ничего не может.

Старичок склонился над ней и, осторожно раскрыв спину девушки, принялся толстым слоем наносить мазь на рубцы. И только сейчас Кэт вспомнила о том, что была совершенно обнаженной. Залившись стыдливой краской, она уткнулась лицом в соломенный матрас.

– Не кори себя попусту, а благодари Бога за то, что жива, – словно услышав ее мысли, произнес дед, продолжая теплыми пальцами, еле касаясь кожи, покрывать спину снадобьем.

Кэтрин всхлипнула; доброта словно невидимыми лучами исходила от этого человека и проникала в душу и сердце, обволакивая их теплом. Наверное, это то, чего ей так давно не хватало, – а именно покоя и умиротворения. И не важно, что спина пылает огнем, главное, на душе сейчас спокойно. А все, что будет впереди, теперь не кажется таким смертельным.

Мишель возвратился в замок к полуночи. В тот момент, когда беззвездная ночь окутала просторы, а луна скрылась за темные тучи, словно намеренно не позволяя им продолжить поиски. Ни тела, ни останков, ни следов – они не нашли ничего. Будто бы девчонка испарилась бесследно. Мужики шептались, осеняя себя крестами, мол, ведьма, забрала душу молодого господина и растворилась в ночи. Граф не верил в эти байки и людям пригрозил, что вырежет языки за богохульство. Но народ есть народ – ему где бы не увидеть предзнаменование нечистого. Мишель велел продолжить поиски, как только первые лучи солнца покажутся из-за горизонта. И сам лично собирался снова присоединиться людям, так как не мог успокоиться, пока не отыщется тело.

13 глава

Мишель устало спрыгнул с коня, поиски затянулись на четыре долгих дня, и все еще не было никаких следов. Граф привлек крестьян с соседних деревень, которые прочесали значительную часть леса и тоже безрезультатно. Погода изрядно усложняла работу людей. Мороз с каждым днем крепчал, а с неба по утрам сыпала ледяная изморозь. Народ был измучен и придумывал байки одна страшнее другой. Мишель и сам недоумевал, куда могла испариться девчонка? Отсутствие следов наводило на мысль, что ей кто-то помог, но кто это мог быть, для него оставалось загадкой. Мишель подозревал, что девушка жива, а значит, он просто обязан найти ее, несмотря ни на что. Тайна его семьи не должна покинуть стены замка.

С бабушкой граф так и не обмолвился ни словом. Да и когда? Он возвращался затемно, а уходил на рассвете. Замечал лишь, что та, словно тень, бродит по темным коридорам. Графиня всегда боготворила Габриэля, даже имя ему дала в честь покойной дочери. И эта потеря была слишком велика для ее измученного сердца. Мишель понимал, каково старой женщине, но после того как узнал тайну, которую она скрывала столько лет, не мог испытывать к ней прежнего сочувствия. Возможно таким образом, ко всему прочему, на него действовало исчезновение служанки, из-за чего его постоянно обуревала ярость.

– Если кто-то из вас посмел укрывать убийцу вашего господина, – молвил граф, собрав людей на площади в деревне, – я лично вздерну того на виселице и семью не пощажу! Обыскать каждый дом, каждый угол! Если понадобится, я выжгу все здесь к чертям!

Мишель отправил гонцов по деревням графства, повелев обыскать каждую избу и хлев, и строго наказал не останавливаться, пока девчонка не найдется. Сам он тоже без усталости скакал по владениям, не гнушаясь выведывать информацию у жителей. Поздно вечером граф направил коня к лесу, а усталое животное недовольно фыркало. Однако все же мужчина решил возвратиться в замок по лесной тропе, хоть и находился довольно далеко от дома.

С той стороны, откуда въехал граф, лес напоминал непроходимую чащу. И ему приходилось расчищать путь мечом, ибо конь упрямылся, не желая идти дальше. Ветки задевали потную морду, и животное издавало страдальческое ржание. Спрыгнув с лошади, Мишель взял ее под уздцы и повел за собой, пытаясь пробить тропу. Вокруг царил полумрак, из-за густых макушек сосен практически не пробивался свет взошедшей луны.

Граф выругался, когда ветка жестко хлестнула его по лицу, оставив на коже саднящий след. Он, не переставая, размахивал мечом, очищая себе проход. Двигался Мишель скорее на

ощупь, потеряв всякие ориентиры. Мужчина подозревал, что затерялся в темном лесу, и мысленно бранил себя за то, что выбрал именно эту дорогу. Казалось, он бродил по гуще бесконечно долго. И, в конце концов, признался самому себе, что заблудился. Ему необходимо было отыскать ориентир, но лес словно бы еще сильнее смыкался над его головой. Конь уже всюду проявлял свое неудовольствие, мотая головой из стороны в сторону, пытаясь вырвать поводья из рук Мишеля, но тот сжимал их стальной хваткой.

Остановившись, граф принялся обреченно озираться по сторонам, пытаясь высмотреть среди пушистых веток хотя бы проблеск луны. И увидел лишь тусклое мерцание света, который исходил отнюдь не с небес. Дернув коня, мужчина направился в ту сторону, отстраняя рукой ветви с пути. И уже вскоре он выбрался на маленькую поляну, в центре которой стояла ветхая хижина. Жилище плотным кольцом окружали сосны, смыкая макушки у неба. По дыму, клубами струившемуся из трубы и растворявшемуся у верхушек деревьев, Мишель понял, что избушка жилая. И внутри зародились подозрения, кого именно он может там обнаружить.

Кэтрин только-только начала приходить в себя. Последние дни она находилась в беспомощности, одолеваемая сильным жаром. Но снадобья лесника сделали свое дело и прогнали хворь. Сегодня девушка почувствовала себя немного лучше, но все еще не могла подняться с постели. Спина уже меньше беспокоила, так как мазь старика оказалась чудодейственной. И чем чаще тот ее наносил, тем меньше горела кожа. Дедушка пророчил скорое выздоровление, продолжая заставлять Кэтрин пить травяные настойки, от которых ее желудок начинал протестовать, а ноздри сжимало и щипало. И как бы снадобья ни были отвратительны, они все же придавали сил.

Утирая ладонью капли пота со лба, девушка лежала на боку и умиротворенно глядела в огонь, на котором варилась похлебка. Она не знала, из чего старичок готовил еду, который практически не покидал своего убежища, но выходило довольно вкусно. Кэт чувствовала себя беспомощной, не в состоянии помочь спасителю по хозяйству. Хотя тот всячески отвергал ее предложения, все же ей было неловко, ведь он столько для нее сделал.

Разливая похлебку по глиняным чашкам, дедушка снова рассказывал Кэт очередную необычную историю. Казалось, у него их был нескончаемый запас. Даже когда девушка находилась в бреду, слышала его поднимающие дух рассказы. Она прекрасно понимала, почему этот человек уединился в лесу, ибо за свою долгую жизнь он хлебнул горя куда больше, чем довелось ей. И потому уже не видел ничего хорошего в людях, однако и зла им не желал. Она бы с радостью поделила его судьбу и осталась в этом укромном месте, подальше от человеческой жестокости, да только отчего-то ей это казалось невозможным. Может, потому что чувствовала, что ее ищут...

Устроившись поудобнее на боку, Кэтрин с благодарностью приняла из рук старичка чашку с супом. Вдохнув пряный аромат, она почувствовала, что тело словно наполняется жизнью. Но только Кэт поднесла чашу к губам, как дверь в избу со скрипом отворилась. Вскрикнув, девушка выронила посуду из рук, в ужасе уставившись на Мишеля, застывшего в дверном проеме...

14 глава

Взгляд Мишеля полыхал яростью, которой он был готов испепелить беглянку. Собрав всю волю в кулак, мужчина подавил неистовый порыв придушить девчонку на месте. Она вжалась в постель, глядя на него расширенными от ужаса глазами, а ее побелевшие губы дрожали. Но его нисколько это не трогало. Только было граф хотел поднять ее, как заметил в углу старика, схватившегося за деревянный посох. «Значит, вот кто тот неизвестный спаситель служанки», – мелькнуло в голове у Мишеля.

Кэтрин испугалась, увидев, куда направил свой взор Мишель. Он с перекошенным от гнева лицом смотрел на лесника. В груди зародилась тревога, и девушка, преодолев свой страх, приподнялась, промолвив несмело:

– Гай ни в чем не виноват, я сама сбежала.

– Молчи, дитя, – смело произнес старик. – Не девичье это дело – мужчин защищать.

Мишель, с любопытством наблюдавший за развернувшейся картиной, наконец-таки решил войти в избу, и покосившаяся дверь за ним со скрипом захлопнулась.

– Мои люди сбились с ног, разыскивая тебя четвертый день подряд! – прорычал граф, проигнорировав слова старца.

– Явно не для того, чтобы сообщить мне о помиловании, – вздернув слегка подбородок, проронила Кэтрин. Откуда-то у нее появились силы духа противостоять тюремщику. Возможно, так сильно ее задело пренебрежение графа по отношению к добродушному леснику.

– Неужели после побега ты ожидала еще какого-то помилования? – холодно усмехнулся Мишель, прожигая ее взглядом.

– Ожидала? – иронично произнесла Кэт. – Громко сказано. Всего лишь молилась о справедливости. Но для нас, смертных, это, видимо, слишком великая милость.

– К твоему прискорбию, милосердие не является чертой моего характера, – бросил граф резко. – Ты сама пойдешь или тебя силой забрать отсюда?

– Не пущу! – воскликнул лесник, выставив перед собой кривой сук, как бы обороняясь. – Можете отсечь голову своему верному слуге, который знал вас когда-то добрым и справедливым мальчиком. Но девочку не пущу; она только сегодня переступила грань между жизнью и смертью. Не для того Господь даровал ей спасение, чтобы снова бросать в пекло.

Мишель задумался, вспоминая этого воинственно настроенного старика. Густая седая борода и добрые серые глаза. Такие глаза он видел лишь у одного человека в детстве...

– Староста Госстан? Вы ли? Сколько лет прошло, а мы все гадали, куда вы исчезли после того пожара, – не веря своим глазам, произнес Мишель. Он помнил сильного мужчину, который умело управлял деревней, находившейся неподалеку от замка. В детстве граф часто играл там с братом и восхищался добротой этого человека. Гай исчез после сильного пожара. Тогда выгорел склад со всем собранным урожаем, а крестьяне, ища виновного, свалили все на него. И теперь судьба вновь свела его со старостой, только почему-то столь странным образом.

– Много воды утекло, и вы, мальчик мой, я вижу, повзрослели, – ответил старик, вернув посох на прежнее место. – Так скажите мне, за какую провинность это дитя заслужило смерти?

– Смерти, старик? Отчего же. Ее участь еще не предрешена, – ответил Мишель, снова устремив взор к девушке, которая дрожащими руками прижимала к груди одеяло.

– Тогда позвольте мне излечить Кэтрин и приходите, как определитесь с ее исходом, – попросил лесник, внимательно взглядываясь в потемневшие глаза графа, словно пытаясь в них что-то разглядеть.

– Не могу, не хочется заново прочесывать весь лес в ее поисках, – резко отказал Мишель, намереваясь забрать девочку.

– Девочку ноги не держат, разве сможет она убежать? Да и одеться ей не во что, – продолжал настаивать старик.

– Ничего, в одеяло завернется, отсюда до замка не так далеко.

– А придется – и голой потащите, только бы снова запереть в сыром подвале, – отрезала Кэтрин, понимая, что взывать к его совести бесполезно.

– Не сомневайся, поташу, – бросил, оскалившись, Мишель. – Поднимайся!

– Все хорошо, – прошептала Кэт, коснувшись руки лесника. Она не хотела, чтобы человек из-за нее попал в беду, поэтому решила пойти с графом добровольно.

Кэтрин, дрожа, попыталась подняться, но слабость в теле словно вжимала ее в постель. Резко дернувшись, девушка вскрикнула, почувствовав, как снова защищала спина. От острой боли потемнело в глазах, и они наполнились влагой. Она опять попыталась встать, но сил хватило лишь на то, чтобы сесть, оперевшись о стену.

– Хорошо, – выдавил Мишель сквозь зубы. – Лечите, но прежде я хочу поговорить с ней наедине.

Кэтрин опустила голову, не желая показывать графу появившиеся слезы. Она знала, что он передумал не из-за доброты душевной, а всего лишь от нежелания тащить ее на себе.

– А теперь послушай меня внимательно! – грубо приказал мужчина. – Если только посмеешь сделать шаг из хижины, я не пощажу старика. Так что учти, его смерть будет на твоей совести!

– Я в этом не сомневаюсь, – прошептала Кэт, все же подняв голову. – Даже зверь пытается избежать смерти, видимо, лишь у меня нет выбора.

– Ошибаешься! – отрезал Мишель. – Твоя жизнь зависит лишь от тебя. Будь благоразумна и держи язык за зубами, тогда мне не придется тебя его лишать.

– А дальше что? – воскликнула она, устав от неизвестности. – Все равно вернете в замок, а там мне уж точно не избежать гибели!

– Я обдумаю это, – бросил граф, отвернувшись к выходу. – Но и ты не забывай моих слов, иначе тебя ничто не спасет!

15 глава

Граф возвратился спустя четыре дня, и Кэтрин чувствовала себя уже гораздо лучше. Он вошел в хижину, когда лесник отсутствовал, и, швырнув рядом с девушкой мешок, скомандовал:

– Одевайся!

Как только дверь за ним затворилась, Кэт выпотрошила содержимое мешка и обнаружила там одежду: теплое, шерстяное платье и чулки, а также громоздкие черные сапоги, принадлежавшие явно мужчине. Не спеша, Кэтрин оделась и оценила свой нелицеприятный вид: серое платье оказалось слишком коротко, а сапоги, наоборот, велики и неудобно болтались на ногах. Накинув на плечи теплый плащ, отороченный мехом, девушка направилась к выходу, подумав, что долго проходить не сможет в столь неудобной обуви. У двери она застыла и обвела комнату тоскливым взглядом, безмолвно прощаясь. Здесь ей было уютно и спокойно, а теперь впереди опять ждала неизвестность.

Во дворе Кэт обнаружила Мишеля, беседующего со старичком, и двух запряженных лошадей. Видать, поездка сулит быть долгой.

– Готова? – спокойно спросил граф, смерив ее хмурым взглядом.

– Вы вернете меня в замок? – вместо ответа поинтересовалась она.

– Раз готова, отправляемся, – бросил он, махнув головой леснику в знак прощания.

Кэтрин взглянула на старика и почувствовала, как больно защемило в груди. Пришло время расставаться, и вряд ли судьба сведет их снова. Девушка медленно подошла к дедушке и, склонившись, заключила его в крепкие объятия, прошептав:

– Спасибо вам за все.

– Храни тебя Господь, дочка, – расстроено ответил тот.

Распроставшись со спасителем, Кэт направилась к лошади, которая казалась для нее слишком высокой. Девушка не успела признаться графу, что совершенно не знает, как управляться с животным. У прислуги нет возможности обучиться верховой езде – это, как говорится, ни к чему. Но, видимо, Мишель и сам заметил ее растерянность, довольно спросив:

– Управляться с кобылой ты, похоже, не умеешь?

– Не умею, – честно ответила Кэт, и под пристальным взглядом ее щеки запылали.

Спрыгнув со своего коня, мужчина направился к девушке и в один миг помог ей взобраться на лошадь. Оказавшись в седле, Кэт вопросительно уставилась на графа, не понимая, что делать дальше.

– Держись крепко и постарайся не свалиться, – повелел он, вновь запрыгнув на своего жеребца.

Ей и впрямь ничего делать не пришлось, так как ее кобыла спокойно последовала за конем Мишеля. Оказавшись у окраины поляны, Кэтрин обернулась и в последний раз взглянула на лесника, махнув ему рукой. Душу раздирали тревога и печаль, и она прикрыла глаза, пытаясь скрыть набежавшие слезы. Граф намеренно не ответил, куда ее везет, и теперь ей оставалось лишь гадать, отгоняя от себя страшные мысли.

Где-то через час путники выбрались из леса. Полевая тропа приветствовала их порывом ледяного ветра. Кэтрин съежилась, пытаясь размять затекшее тело, которое без привычки сидеть в седле отзывалось ломотой в костях.

Оказавшись на ровной дороге, Мишель ускорил коня, и кобыла девушки послушно потрусилась за ним. Кэт ухватилась пальцами за седло, пытаясь сидеть ровно, но это не сильно помогло, и она продолжала раскачиваться в такт хода лошади.

Вечернее небо затянули тяжелые тучи, и казалось, что оно вот-вот разверзнется дождем. Но первые капли упали на лицо Кэтрин лишь с наступлением сумерек. Промерзшая до корней волос, она плотнее закуталась в плащ. Мишель за время поездки не проронил ни слова, даже ни разу не обернулся к девушке. Словно он прекрасно знал, что та, не отставая, следует за ним. Конечно, так оно и было, чуть отставши, ее лошадь торопливо догоняла графа, будто бы боялась потерять из виду.

Когда ночь окутала землю черным ковром, Кэтрин почувствовала, что выбилась из сил. Каждая часть ее тела жутко ныла, и, вымокшая под мелким дождем, она, не переставая, дрожала. Зубы девушки непрерывно стучали, а заледеневшие руки уже не могли держаться за седло. И Кэт поняла, что в любую секунду может свалиться на землю.

Мишель вглядывался в даль, пытаясь, рассмотреть разбрызглую дорогу, а позади до него доносились цоканье копыт и стук зубов. Натянув поводья, мужчина замедлил своего жеребца и обернулся. Девчонка, пошатываясь, дрожала в седле, и казалось, что вот-вот упадет. Неудивительно, ведь даже опытному наезднику сложно находиться длительное время верхом, да еще и в такую погоду, а что уж говорить о ней...

– Тррррр, – шикнул он на коня, приостанавливая. Животное послушно замерло, молотя передними копытами по вязкой земле. Жеребец выдохся и тоже нуждался в отдыхе, но до постоянного двора оставалось еще несколько часов пути.

Когда кобыла служанки поравнялась с Мишелем, он лишь чудом поймал соскользнувшее вниз тело девчонки. Рывком граф пересадил ее к себе, услышав, как та жалобно застонала. «Только бы не разболелась снова», – подумал хмуро мужчина, ибо у него совершенно не было времени и желания возиться с ней. Усадив дрожащую девушку в седло перед собой, Мишель укутал ее собственным плащом, пытаясь согреть, и мокрая макушка обессиленно рухнула ему на грудь.

Кэтрин почти лишалась чувств, когда граф перетащил ее на свою лошадь. Его пальцы до боли сжали заледеневшую руку, и девушка не смогла сдержать стоны. Оказавшись в седле перед ним, Кэтрин спиной почувствовала крепкое мужское тело и хотела было возразить, но сил на это, увы, не осталось. А когда она ощутила теплый кокон из плаща графа, то и вовсе лишилась чувств, уронив голову ему на грудь. Сознание вернулось довольно быстро. Девушка очнулась оттого, что ее ступни горели огнем. Во время дождя в слишком широкие сапоги попала вода, из-за ночного мороза превратившаяся в наст. Пальцы ног онемели, и казалось, потеряли чувствительность, лишь пятки и икры еще чувствовали болезненные рези...

– Жива? – спросил Мишель, наклонившись к ней.

– Кажется, я обморозила ноги, – прошептала слабым голосом девушка.

– Этого еще не хватало, – выругался мужчина, остановив лошадь.

Он торопливо спрыгнул с коня, и Кэтрин, лишившись его теплого тела, почувствовала, что снова замерзает. Граф же тем временем, не церемонясь, стащил с ее ног сапоги и вылил из них воду.

– Неудивительно, – проронил Мишель, – сапоги полны воды, да и чулки по колено мокрые.

Не раздумывая, мужчина стянул с нее чулки, и Кэт вздрогнула, почувствовав его теплые руки на своей обнаженной коже. Приоткрыв рот, она пораженно смотрела, как граф принялся растирать ладонями ее ноги.

– Это лишнее, – прошептала Кэтрин, покраснев.

– Да? – вопросительно посмотрел на нее Мишель. – Хочешь лишиться ног? Что ж, на войне мне приходилось проводить ампутацию.

Поджав губы, девушка ничего не ответила, лишь с облегчением почувствовала, как онемевшие пальцы возвращаются к жизни. Когда с растиранием было покончено, граф завернул ее ноги в шерстяные покрывала, которые взял с собой явно не для этой цели. Устроившись снова за спиной девушки, Мишель недовольно пробурчал ей почти в ухо:

– Надеюсь, ты больше не доставишь мне хлопот?

– Спасибо, – проямлила в ответ Кэтрин, слегка вздрогнув.

16 глава

Кэтрин соскользнула с лошади и ощутила, как онемевшие ноги обдало болью при соприкосновении с заледеневшей землей. Вымокшую почву быстро окутала ледяная кромка, и теперь все вокруг мерцало. Путники остановились у постоянного двора, который походил на заброшенный. Выцветшая вывеска над входом раскачивалась на ветру, издавая ужасный скрип, и тусклый свет исходил лишь из маленького оконца. Хозяева, видимо, совсем не ожидали постояльцев в такую погоду, потому не спешили навстречу гостям. Мишель сам нетерпеливо постучал кулаком по двери, и спустя время та со скрежетом приоткрылась.

– Мест нет, – послышался каркающий мужской голос, и негостеприимный хозяин поспешил снова затворить дверь. Но граф не позволил и, подставив ногу, раскрыл ее сильнее.

– А если я заплачу вдвойне, найдете?

Кэт разглядела в дверях невысокого мужчину в длинной пожелтевшей ночнушке, который задумчиво почесывал бровь, внимательно взирая на гостей.

– Так что? – поторопил его Мишель. – Или мне поискать другое пристанище?

– Есть одна комната на чердаке, но она тесная и не предназначена для постояльцев, да и кровать там узкая, – развел руками хозяин, пропуская путников в дом.

– Подходит, – согласился, долго не раздумывая, граф, и Кэтрин послушно последовала за ним. – Только одеяло и подушку еще принесите. И отужинать мы бы не отказались. Да, и о лошадях позаботьтесь.

– Сейчас разбужу жену и узнаю, что из еды осталось. Она принесет ужин в комнату, – ответил хозяин, провожая гостей.

Поднявшись по узкой лестнице на чердак, мужчина остановился в темном, тесном коридоре и указал путникам на дверь. Мишель вошел первым, и забрав из рук хозяина лампу, поставил ее на стол. Кэтрин тоже, не спеша, направилась внутрь. Действительно, комнатка оказалась тесной, в ней с трудом помещались старая одноместная кровать и небольшой стол со стулом. Сразу же девушка задумалась, как здесь они смогут расположиться вдвоем и где ей придется спать? Естественно, граф на правах знатной особы займет постель, а Кэтрин в распоряжение достанется пыльный деревянный пол, на который и постелить-то нечего.

Вскоре в комнате раздался стук, и девушка, скромно устроившаяся на стуле, хотела было подняться, чтобы открыть дверь, но Мишель опередил ее, громко скомандовав:

– Войдите!

Тут же в комнате появилась полная женщина с подносом в руках, а следом за ней вошел хозяин с постелью. Мужчина торопливо положил одеяло и подушку на кровать и поспешил удалиться. Точно так же поступила и его супруга, поставив на стол еду.

Взглянув на запеченный картофель и окорок, Кэтрин почувствовала, как у нее от голода свело желудок. Граф молча подошел к столу и, взяв пустую тарелку, положил в нее добротный кусок мяса, после чего поставил ее перед девушкой, велел есть. Кэт, покраснев, махнула головой и скромно отщипнула кусочек хрустящего хлеба. Она была голодна, но в присутствии мужчины кусок отчего-то не лез ей в горло. Съев немного мяса и картофеля, девушка вернула тарелку на поднос и поднялась из-за стола. Заметив, что она практически не притронулась к еде, Мишель недовольно произнес:

– Следующий прием пищи будет не скоро, мы уедем на рассвете и доберемся до места только к вечеру.

– Спасибо, я сыта, – ответила Кэтрин и, набравшись смелости, спросила: – Так могу я узнать, куда вы меня везете?

– Неважно, – бросил мужчина, вернувшись к трапезе.

То, что они направляются не в замок, Кэт поняла давно. Слишком уж долгий путь проделали, а владения графини находились неподалеку от леса, который они миновали после полудня. Но все же девушку очень тревожила неизвестность. Куда везет ее граф? Не решил ли он упечь Кэт в тюрьму за убийство брата? Если так, то это сулит ей неизбежную смерть, ведь за убийство знати виновный сразу же приговаривается к казни. Кэтрин представила, как на ее шею накидывают удавку, и вздрогнула, ощутив мурашки ужаса, пробежавшие по телу. Отгоняя страшные мысли, она схватила одеяло и принялась расстилать его на полу. И только было девушка собралась лечь, как до нее донесся холодный голос графа:

– Что ты делаешь? Ложись на постель.

– Но вы... – растерянно сконфузилась Кэт.

– Мне не привыкать спать на земле, – бросил Мишель, отвернувшись.

– Но и я не приучена к излишествам, – возразила Кэтрин, не понимая, зачем ему эта любезность, когда он собирается отправить ее на смерть.

– Если вознамерилась спорить, то напрасно. Лучше потратить это время на сон, – отрезал граф, поднимаясь из-за стола.

Ополоснув руки в тазике, он выхватил у девушки подушку и швырнул ее на пол. После чего стащил сапоги и улегся на одеяло. Кэт растерянно потопталась на месте и, все же смирившись со своей участью, устроилась на кровати. Но сон к ней так и не шел. Мысли о будущем вихрем кружились в голове. Она не хотела отвечать жизнью за то, чего не совершала. Эта несправедливость вызвала волну протеста в душе девушки. С чего вдруг Кэтрин по собственной воле должна идти на смерть? А какой у нее выбор? Если бы Мишель не угрожал леснику, возможно, тогда она попыталась бы бежать. Но ответственность за добродушного старика вынудила Кэт остаться. А что держит ее теперь? Ничего!

Затаившись, девушка прислушалась к звукам в комнате. И, уловив ровное дыхание графа, решила, что он спит. Мозг Кэтрин судорожно соображал, вырисовывая план побега. Если сейчас ей удастся выбраться из дома незамеченной, то во дворе она сможет отыскать лошадь и на ней скрыться. А когда Мишель на рассвете обнаружит ее исчезновение, Кэтрин будет уже далеко. Возможно, это последний шанс на спасение.

Медлить и обдумывать детали у нее не было времени, поэтому, не дыша, Кэт опустила ноги с кровати. И снова прислушавшись, она не обнаружила никаких изменений в дыхании графа. Тогда, собравшись с духом, девушка встала и на цыпочках направилась к выходу, по пути осторожно ухватив свой плащ, покоившийся на спинке кровати. Двигалась Кэтрин словно мышка, не издавая ни единого звука, даже деревянные половицы не скрипели под ее ступнями. Расстояние от кровати до постели Мишеля на полу было мизерным, и ей приходилось ступать по одной дощечке. Напряжение достигло предела, и девушка слышала биение собственного сердца, боясь, что этот неистовый стук может разбудить графа. И когда она, наконец, достигла

двери, то почувствовала немалое облегчение. Но только Кэтрин ухватила за ручку, как ее щиколотку мертвой хваткой сжала горячая рука, и слух резанул злой голос:

– Только посмей выйти отсюда, и это будут последние шаги в твоей жизни!

17 глава

– Я... я в уборную, – заикаясь, промямлила Кэтрин и попыталась освободить ногу из крепких тисков. Но в ответ граф лишь сильнее сжал пальцы, наверняка оставив следы на белой коже.

– Да неужели? – пробурчал он недоверчиво.

– Вы позволите? – спросила девушка, снова дернув ногу. Сердце с гулом врезалось в ребра, заставляя кровь с молниеносной скоростью разноситься по телу и пульсировать в висках.

– Придется потерпеть до утра во исключение побега, – отрезал Мишель, все еще не разжимая пальцев.

– Но... – все внутри Кэт оборвалось, последняя надежда на спасение канула во мрак.

– Ложись спать!

– Вы везете меня неизвестно куда, угрожаете, да еще заставляете терпеть естественные нужды, – взорвалась Кэтрин от возмущения. – Вам не кажется, что даже с животными обращаются лучше?

– Мои животные мокнут под дождем, – жестко усмехнулся мужчина. – В то время как тебе позволено спать в кровати.

– О-о-о! – воскликнула девушка, с силой рванув ногу, и чуть не упала, ударившись о стену. – Это так благородно с вашей стороны. Теперь я в неоплатном долгу перед вами, Ваша Светлость. Не знаю даже, как благодарить!

– Будь благоразумна и держи свой язык за зубами, – зарычал Мишель, вскочив на ноги. Теперь он устрашающей тенью нависал над Кэтрин, но отчего-то злость и негодование не позволяли взять страху верх.

– Иначе что? Снова выпорете меня? Думаете, есть пытка страшнее смерти? – Кэтрин вздернула голову, заметив, как неистово в темноте сверкают его глаза. «Чего откладывать, – обреченно подумала девушка. – Пусть завершит начатое и собственноручно убьет. Все же лучше, чем смерть на виселице перед толпой разъяренных людей!»

– Думаешь, ты знаешь что-то о смерти? – граф подошел вплотную, и Кэтрин произвольно вжалась в стену. – Вам, наивным людишкам, она кажется мгновением, – его голос звенел словно ледяной металл. – Но ты и понятия не имеешь, что значит молить о смерти, когда все твои внутренности растекаются по земле рядом с тобой. Не знаешь, какая жуткая боль разрывает мозг, когда теряешь все части тела...

– Мне ни к чему это знать! – выкрикнула Кэт, желая зажать уши руками, чтобы не слышать его ужасающих слов.

– Нет уж, дорогуша, – стальные пальцы мужчины сжали ее подбородок, приподнимая лицо вверх. – Ты так много рассуждаешь о смерти, по сути, даже не зная, что это. Так запомни: если я решу лишить тебя жизни, твой конец будет адом. Поэтому лучше не зли меня!

– Вы ничем не лучше, чем ваш... – в последнюю секунду Кэтрин успела прикусить язык, не отдавая отчета своим словам. В глазах стояли слезы, а кожа под его пальцами горела. В следующий миг он сдавил ее челюсть так, что она услышала хруст собственных костей, и жалобно застонала.

– Не лучше, чем кто? – ледяной голос мужчины резанул ее слух, а пылающие глаза даже в темноте обжигали яростью.

– Никто, – пискнула девушка, чувствуя, что начинает задыхаться от страха.

– Договаривай! – потребовал Мишель, и его рука скользнула к ее шее.

– Пустите, – прошептала девушка в отчаянии, ощущая, как горло сдавило до боли.

– Говори! – продолжал гневно настаивать он. И Кэтрин в ужасе вспомнила тот роковой момент в комнате Габриэля. Похоже, и старший брат сейчас на грани безумия. Страх выворачивал все внутри, заставляя душу метаться в панике, и Кэтрин, охваченная ужасом, не знала, как спастись.

– Пустите, мне больно! – закричала девушка, всхлипнув. – Вы меня пугаете!

Его пальцы резко разжались, и, с шумом втянув воздух, Кэт осела на пол. Грудная клетка вздымалась так, что казалось, сейчас сердце вырвется наружу. А тело пробирала ледяная дрожь.

Выругавшись, граф тяжелыми шагами направился к двери, и через секунду она с грохотом захлопнулась за ним. До затуманенного сознания Кэтрин донесся щелчок дверного замка, и в глубоком отчаянии девушка осознала, что ей не удастся вырваться из этой мрачной клетки.

Слезы горячими дорожками обожгли и без того пылающие щеки. Она прижала дрожащие ладони к лицу, мысленно спрашивая себя: «Что же со мной будет?». Грудь разрывал отчаянный всхлип, а тело сотрясалось от рыданий, ибо страх из-за неопределенного будущего пугал больше, чем смерть. Да и теперь Кэт знала, что даже ее смерть не будет легкой. Стараниями графа сама жизнь вселяла в девушку дикий ужас.

Она продолжала сидеть, прижав колени к груди, с надеждой на то, что рассвет сегодня не наступит, потому что с восходом солнца ей снова придется встретиться с Мишелем, в жестокости которого девушка уже не сомневалась. Возможно, сейчас он и не определился с ее дальнейшей судьбой, но это несколько не успокаивало Кэтрин, так как нахождение рядом с ним было сродни сидению на пороховой бочке, которая в любой момент может взорваться.

Вопреки надеждам Кэт, первые лучи все же пробились сквозь щели в деревянной крыше. И с замиранием сердца она принялась ждать, когда за ней явится граф. Самой высунуться из комнаты ей не хватало смелости, да и дверь была заперта. Но страх оттого, что снова придется находиться с ним наедине в замкнутом пространстве, заставил ее подняться на ноги.

К немалому удивлению Кэтрин, замок оказался незапертым, и, собрав свои вещи, девушка поспешно покинула комнату, с которой у нее не ассоциировалось ничего хорошего. На лестнице она встретила раздурявшуюся хозяйку постоялого двора, и та любезно пригласила Кэт на завтрак. В ответ девушка выдавила благодарную улыбку, понимая, что если граф там, то ей и кусок не полезет в горло. Мишеля не оказалось в доме. Кэтрин то и дело вертела головой, чтобы найти его, но тот так и не объявился.

Сделав несколько глотков теплого молока, Кэт не смогла заставить себя больше ничего съесть. Невзирая на отсутствие графа, аппетит напрочь оставил ее. Решив не испытывать судьбу, оттягивая время, девушка поднялась из-за стола и, поблагодарив женщину за завтрак, направилась на улицу. Она чувствовала жуткую слабость в коленях, ее ноги будто не желали идти, но, все же подавив свой страх, Кэтрин распахнула дверь...

Неподалеку от дома Кэт заметила Мишеля и ощутила болезненный толчок под ребрами. Он запрягал лошадей, не обращая никакого внимания на нее. Растерявшись, девушка не знала, как ей быть, ведь подойти к нему не хватало смелости. Она сконфуженно переминалась с ноги на ногу, пока граф не взобрался на своего коня. И будто только теперь мужчина заметил ее присутствие, смерив взглядом, от которого у Кэтрин застыла кровь в венах.

18 глава

Копыта лошадей в такт отбивали стук по промерзлой земле, и Кэтрин удрученно слушала эти мелодичные звуки. Она чувствовала себя ужасно; бессонная ночь сказалась болезненным пульсированием в голове, а тело гудело и ныло. Мишель, словно позабыв про спутницу, гнал своего коня рысцей, и это доставляло девушке истинное мучение. Кэт тряслась в седле, тихо постанывая, и мысленно проклинала ненавистную поездку. Граф молчал, не обмолвившись с ней и словом; над ним словно нависла серая, хмурая тень. И Кэтрин физически ощущала напряжение, исходящее от мужчины. Она жалела о ночной стычке, ругала себя за то, что совер-

шила глупость, осмелившись на побег. Однако это не спасло ее, а лишь усугубило положение. Теперь же будущее пугало сильнее прежнего.

Кэтрин то и дело смотрела на небо, пытаясь определить время, но солнце практически не показывалось из-за туч. Мишель говорил, что до места они доберутся вечером, но «долгожданный» вечер так и не наступал. И к заходу солнца девушка повалилась на гриву лошади, мечтая о том, чтобы ее мучения поскорее прекратились.

Вздвогнув, девушка почувствовала, как кто-то потянул ее за талию, стаскивая с кобылы. Похоже, она задремала и остаток пути не видела. Теперь же вокруг царил густая ночь, и лишь горящие факелы освещали силуэт незнакомого здания.

– Можешь стоять на ногах? – послышался совсем рядом незнакомый мужской голос. И в ответ она положительно махнула головой, напрягая зрение, чтобы лучше рассмотреть стоящего рядом человека.

– Хорошо, тогда следуй за мной, – произнес молодой мужчина, направляясь к зданию. Он был высок и коренаст, даже своими внушительными размерами напоминал огромную скалу. Кэтрин молча последовала за незнакомцем, озираясь по сторонам в поисках графа. Но того не оказалось в поле зрения, и его коня девушка тоже не обнаружила. Сразу же в душе зародилась тревога: так куда все-таки ее привез Мишель? Поспешно догнав мужчину, Кэтрин тихим голосом поинтересовалась:

– Простите, а мы где?

– Мне не велено с тобой разговаривать, – пожал широкими плечами незнакомец.

Девушка с досадой поджала губы, пытаясь разглядеть место, куда ее привезли. И, к своему облегчению, она заметила, что здание совсем не походило на тюрьму, а скорее напоминало поместье. Мужчина завел Кэт в дом через крыло, предназначенное для прислуги. В столь позднее время там оказалось довольно темно, и им не встретилась ни единая живая душа. Кэтрин внимательно рассматривала длинный коридор, стараясь запомнить дорогу.

Она ожидала, что ее снова запрут в подвале или что-то подобного рода. Но девушка никак не могла предположить, что ее проводят в просторную, уютную комнату, в которой веяло приятным ароматом еды. Втянув сладкий запах, Кэт сразу же почувствовала протест взбунтовавшегося желудка: все же она жутко проголодалась и вымоталась за день.

– Доброй ночи, – пожелал мужчина и, бросив на нее любопытный взгляд, скрылся за дверью. И Кэтрин, вздрогнув, услышала щелчок замка. Значит, ее снова заперли. Что ж, по крайней мере, в этот раз не все так плохо.

Комната оказалась большой и теплой; она явно предназначалась не для прислуги. В центре располагалась огромная кровать, на которой, казалось бы, могло разместиться не менее пяти человек. Постель была застелена дорогими шелковыми покрывалами. Кэт с наслаждением провела ладонью по нежной белой ткани и со стыдом отдернула грязную руку, побоявшись замарать ее. Она обвела взглядом комнату и, чуть не воскликнув от радости, обнаружила ночной горшок и чан с водой. Прислушавшись к звукам за дверью и убедившись, что там тихо, девушка скинула с себя грязную одежду, после чего направилась к умывальне. Взяв большой душистый кусок мыла, она сжала его двумя руками и подняла к носу, втягивая пряный аромат. Подобная роскошь была недоступна для прислуги, поэтому, наслаждаясь незнакомыми запахами, Кэт даже прикрыла глаза.

Опустив руки в теплую воду, девушка тихо замурлыкала от удовольствия. Потемневшие ногти на фоне белого тафика казались до неприличия грязными. Взяв щетку, Кэтрин принялась яростно оттирать черноту с тела и остановилась, лишь когда ее кожа начала благоухать. Покраснев, она обнаружила под ногами огромную лужу и спешно бросилась ее вытирать своими же вещами.

Когда с мытьем было покончено, Кэтрин, завернувшись в покрывало, принялась за еду. Но, лишь отведав немного жаркого, девушка почувствовала непомерную усталость и со стоном

рухнула на кровать. Приятная нега сразу же растеклась по телу, и, млея на мягкой перине, Кэт прикрыла глаза, подумав, что если даже этот день станет последним, она не особо огорчится.

То ли от усталости, то ли на фоне пережитого, вопреки прекрасной обстановке, Кэтрин всю ночь мучили кошмары. Девушка постоянно просыпалась, утирая со лба ледяной пот, и слышала, как неистово в груди колотится сердце. Эти сны были странными и словно переплетались с явью. Из темноты до нее доносились голоса, и она отчего-то знала, что они принадлежат Габриэлю, но из мрака появлялся Мишель. И при виде его гневного лица ей хотелось кричать от ужаса...

Пробудилась Кэт оттого, что услышала сквозь сон шелчок замка, и, приоткрыв глаза, увидела, как дверь медленно отворяется. Кэтрин затаила дыхание, не зная, чего ожидать, но в комнату проскользнула невысокая юная девушка.

– Извините, я вас разбудила, – покраснев, промямлила та.

– Вас, – тихо повторила Кэт, не понимая, почему к ней так обращаются.

– Я принесла одежду и завтрак, – произнесла незнакомка, словно не заметив удивления Кэтрин.

– Спасибо, – ответила Кэт, приподнявшись в постели, и, увидев, что вошедшая собирается уходить, окликнула ее, спросив:

– Скажите, где я нахожусь?

Вместо ответа служанка потупила взгляд и поспешно юркнула за дверь, снова заперев ее. Кэт, прикоснувшись пальцами к губам, задумалась: да, эта комната далеко не тюрьма, но, без сомнения, Кэтрин в ней пленница. Так отчего же ее поселили в таких условиях, а не определили в подвал, как и полагалось?

Подобные мысли не давали покоя. Она неосознанно натянула вещи, принесенные служанкой, и посмотрела на еду, но голода не почувствовала. Тревога напрочь отбила аппетит. Прекрасно понимая, что дверь закрыта, Кэтрин все равно подошла к ней, чтобы проверить. После чего несмело постучала кулаком, однако ответа не услышала.

Остаток дня девушка металась по комнате, изучив ее вдоль и поперек. Время тянулось бесконечно долго, а к ней так никто больше и не зашел. Огонь в камине догорел еще утром, и теперь вокруг царил прохлад. Накинув на плечи покрывало, Кэт снова постучала в дверь. Она решительно вознамерилась потребовать встречи с графом: пусть уж объяснит, что ее ждет. Все лучше, чем сводящая с ума неизвестность.

19 глава Дверь открылась, лишь когда Кэтрин сбила все кулаки о бездушную деревяшку. И перед ней с недовольным лицом предстал мужчина, который привел ее сюда.

– Чего стучишь? – спросил он раздраженно. – Совсем ополоумела?

– Я хочу поговорить с графом... – девушка растерянно запнулась, осознав, что совсем не знает фамилии Мишеля. – Немедленно!

– Он велел его не тревожить, – отмахнулся незнакомец, собираясь уходить.

– Тогда будьте добры передать ему, что я не притронусь к еде, до тех пор пока его светлость не уделит мне несколько минут, – и, немного подумав, Кэт с насмешкой добавила: – Хотя это ему будет только на руку.

Ничего не ответив, молодой мужчина удалился, а Кэтрин обессиленно рухнула в кресло. Она понимала, что Мишель вряд ли соизволит почтить ее своим визитом. Да и с угрозой девушка сморозила глупость: какое ему дело до того, что она помрет от голода. Если только будет в угод, избавится от ненужного балласта. И это неудивительно, ибо граф не скрывает своей неприязни к убийце брата. Пусть даже и косвенно, но он винит Кэт. И она совершенно не понимает, почему Мишель сохранил ей жизнь. Или же все впереди?

Дверной замок скрипнул, когда Кэтрин дремала, сидя в кресле, укутавшись в покрывало. Лампы в комнате давно догорели, а камин так никто и не удосужился разжечь. От этого вокруг

царила темнота, и лишь тусклый свет луны усердно пытался пробиться сквозь заколоченные ставни.

Сначала из-за двери показался мерцающий свет лампы, а следом за ним девушка сонными глазами разглядела самого графа. Внутри все всколыхнулось, словно воскликнув: «Пришел», и страх вместе с холодом тут же мурашками пронесся по телу. Вскочив на ноги, Кэтрин испуганно уставилась на Мишеля, и, словно защищаясь, обняла руками покрывало.

– Ты требовала встречи? – спросил он ровным голосом, водрузив лампу на тумбу. – К чему такая срочность?

Теперь тень окутала мужчину, а Кэт, наоборот, осветил маячивший свет.

– Меня заперли, не удосужившись объяснить, где я нахожусь, – промямлила растерянно девушка, так как все заготовленные слова вмиг рассеялись.

– А отчего ты считаешь, что кто-то обязан тебе что-то объяснять? – из темноты донесся насмешливый голос графа. Кэтрин не могла видеть его лица, и это ее напрягало.

– Да, вы правы, – согласилась она, не раздумывая. – Но даже человек, приговоренный к виселице, знает о своем приговоре. А я понятия не имею, какая участь меня ждет.

– Участь? – переспросил Мишель, шагнув из тени, и теперь Кэт могла лицезреть часть его лица, но глаза так и оставались скрытыми. – Отправлять тебя на виселицу я не собираюсь, по крайней мере в ближайшее время. Надеюсь, это тебя успокоит.

– Не успокоит, – поспешно выдавила девушка. – Ваше решение может быстро измениться, и я должна знать, от чего это будет зависеть?

– Только от тебя, милочка, – насмешливо бросил граф.

– От меня? – изумленно вскинула брови Кэтрин. – По-моему, от меня здесь ничего не зависит! Вы узнали правду и все равно вините меня в смерти Габриэля. Изменить это мне не под силу. И всего лишь дело времени, когда вы исполните приговор, который уже давно мне вынесли.

– Тебе не кажется, что ты слишком много болтаешь? – отрезал Мишель, шагнув еще ближе. – Особенно о том, о чем не стоит.

– Прошу прощения, если моя правда вас задевает, – ответила она и шагнула назад, упершись ногами в кресло.

– Правда? – холодно усмехнулся граф. – Ты считаешь, что тебе дозволено рассуждать о правде? Нет, девочка, ошибаешься. Ты жива лишь по моей милости. И поверь, такой расклад не очень меня радует. Думаешь, твоя невинность имеет какое-то значение? Тогда ты неисправима глупа. Ты способствовала смерти господина, в то время как обязана была всячески этому помешать. Но нет, ты посмела посчитать, что твоя жизнь ценится куда выше, чем его. Что ж, так тому и быть! Только помни: она не будет легкой. Жизнь рабыни никогда не будет ценнее жизни графа. И это ты, поверь, усвоишь.

– Вы ошибаетесь, – вскрикнула она в отчаянии, до глубины души напуганная его словами. – Я не считаю свою жизнь выше! Она не стоит даже ногтя вашей светлости! Но вы правы, никого не волнует моя невинность, если б я только могла предотвратить случившееся, то сделала бы это, не раздумывая. Это была случайность, видит Бог, и изменить что-либо оказалось не в моей власти. И можете не тратить напрасно угрозы – моя жизнь и так никогда не была легкой!

– Не знаю, – произнес граф, оказавшись напротив нее. – Откуда в тебе столько дерзости? То ли оттого, что не боишься смерти, то ли оттого, что глупая? Только не стоит пустыми словами сотрясать воздух; твое мнение не значит ничего.

– Не сомневаюсь, – выдавила Кэтрин, вздернув голову, и их лица оказались в сантиметре друг от друга. – Ваше слово – закон. Так велите: смерть мне или милость?

– Одно бродит недалеко от другого, – ответил загадкой Мишель. – Поэтому остерегайся, прежде чем выдать из своего маленького рта очередную глупость.

Его взгляд упал на ее губы, и Кэт непроизвольно отшатнулась, почувствовав, как сердце пропустило удар. Она хотела было отступить, но позади находилось кресло, а спереди массивная фигура графа. Страх пульсировал в висках и с диким шумом гудел в ушах. Девушка почти осела в кресло, но крепкая рука, удержавшая ее за локоть, не позволила отдалиться.

– Надеюсь, ты усвоила услышанное? – уточнил Мишель, обжигая ее кожу своим дыханием.

– Усвоила, – только и выдавила Кэтрин вздрогнув.

– Прекрасно! – кривая улыбка коснулась его губ. – Впредь опасайся, прежде чем что-либо сделать или сказать.

– Нет! – мотнула она головой, сдерживая подступающие слезы. – Страшнее вашей ненависти нет ничего.

– Не могу не согласиться, – усмехнулся мужчина ей в лицо. – Ненависть губительна во всех смыслах этого слова.

В следующую секунду ее губы накрыл властный рот графа, сминая их жестким поцелуем. В ужасе Кэтрин попыталась вырваться, но сильные руки, сжавшие плечи, не позволили даже шевельнуться. Ноги девушки онемели от страха, а сердце пробивало сквозь ребра путь к свободе. Губы графа становились жестче, язык нагло раздвинул зубы Кэт, проникая внутрь. Всклипнув, она втянула ноздрями воздух, ощущая, что начинает задыхаться, и слезы обожгли побелевшие щеки.

Ее целовали впервые. Да, раньше были попытки, но она обрезала их на корню. И поцелуй графа не был похож на то, о чем мечтают несмышленные девушки. В нем напрочь отсутствовали нежность и страсть. Скорее он был пропитан жестокостью и ненавистью и предназначался лишь для того, чтобы проучить.

Когда его руки освободили плечи Кэтрин, она, вскрикнув, полетела в кресло, ударившись головой о спинку. И, вжавшись в обивку, девушка не смела ни дышать, ни смотреть на графа. Ее губы пылали и саднили, а душа, словно в ужасе, замерла внутри.

– Здесь слишком холодно, я велю разжечь камин, – бросил Мишель как ни в чем не бывало и, даже не взглянув на перепуганную до смерти девушку, направился прочь.

20 глава

Ранним утром в комнату к Кэтрин явилась все та же служанка. Она аккуратно разложила на постели платье и фартук прислуги, а на стол поставила поднос с едой. Кэт смотрела на нее исподлобья, всё ещё пребывая в угнетенном состоянии после вчерашней стычки с графом. И не сразу опомнилась, чтобы спросить, для чего ей принесли этот наряд. Окликнула ту лишь у двери:

– Простите, мне позволено выйти?

– Велено отнести вам одежду и проводить в холл для получения указаний, – торопливо ответила служанка, добавив: – Я подожду за дверью.

– Хорошо, – махнула головой Кэтрин и, не притронувшись к еде, поспешила одеться.

Видимо, ее решили привлечь к работе по дому, раз велели облачиться в платье служанки. Эта новость успокаивала Кэт; все лучше, чем сидеть взаперти, ожидая своей участи. Возможно, у слуг она сможет выведать информацию о том, где сейчас находится. И, может быть, однажды удача улыбнется ей, дав шанс сбежать подальше от этой ненормальной семейки.

Собрав волосы в тугий пучок, девушка направилась к выходу, на ходу разглаживая руками складки платья. Внутри колыхалось волнение; мысль о том, что снова придется встретиться с графом, неимоверно пугала. Закрывая глаза, Кэтрин все еще чувствовала его ненавистный поцелуй, и это вызывало лишь отвращение. Ей хотелось стереть с кожи след жестких губ, выдворить из памяти все воспоминания. Но, похоже, человеческий мозг устроен так, что надолго запоминает самые неприятные моменты. Да еще постоянно стремится напомнить о них, воспроизводя жуткие картины в снах.

Погруженная глубоко в свои мысли, Кэтрин следовала за служанкой, которая постоянно спешила куда-то. На языке у девушки крутилась куча вопросов, но она так и не решалась их задать, заранее зная, что вряд ли получит ответы.

В холле их ожидал молодой мужчина, с которым Кэт встретила еще в день своего приезда, но имени его так и не смогла узнать. Он, осмотрев Кэтрин с ног до головы, решил, наконец, представиться:

– Я – Томас Питчер, управляющий поместьем. С сегодняшнего дня ты начинаешь заниматься работой по дому. Все распоряжения будешь получать лично от меня. И самое главное – покидать поместье тебе строго-настрого запрещено. Ясно?

– Ясно, – буркнула Кэт, несколько не удивившись последнему требованию. Больше всего ее поразило, если бы разрешили это делать.

– Мэри покажет тебе поместье, и можешь потом отправляться на кухню – там тебе скажут, что делать, – продолжал отдавать поручения Томас, не сводя с Кэтрин заинтересованного взгляда. И ей совершенно не нравился этот любопытный взор, скользящий по ее лицу и телу. Девушке даже хотелось поскорее оказаться вне поля его зрения.

Мэри... Так звали служанку, которая приносила Кэт одежду и еду. Девушка была не очень разговорчивой и без лишних слов показывала поместье, кратко объясняя, что и где.

– А чье это поместье? – спросила Кэтрин, рассматривая яркие портреты, которыми были увешаны практически все стены коридоров.

– Поместье Дантон принадлежит графу Дантону, – ответила Мэри, взглянув на спутницу как на умалишенную.

Ничего не ответив, Кэт задумалась: получается, Мишель привез ее в свое поместье. Да еще пристроил служанкой. «Интересно, графиня знает, что я жива?» – тут же озадачилась вопросом девушка. Вряд ли. Иначе старая дама не позволила бы внуку этого сделать. Наверняка настояла бы на заточении либо на казни. Но отчего же граф поступил именно так? Кэтрин совсем не верилось, что в нем может разыграться совесть или же жалость. Вспомнив его вчерашние слова, девушка пришла к выводу, что Мишель считает, что жизнь для нее будет страшнее смерти. Да, ей не стоит даже рассчитывать на благие намерения, потому лучше лишиться раз не высовываться. Кухня будет прекрасной возможностью для Кэтрин держаться подальше от его светлости.

Не высовываться не получилось вовсе, вернее, неприятности сами нашли девушку. Возвращаясь в свои покои после тяжелого дня, Кэт совершенно не чувствовала ног. Отчего-то вся прислуга восприняла ее присутствие в штывки, а костлявая кухарка с высокомерным лицом всячески пыталась загрузить Кэтрин тяжелой и грязной работой. Девушка знала, что большую часть заданий, поручаемых ей, должны выполнять мужчины, но, надеясь расположить кухарку, она молча делала все, что велят. Однако к концу дня поняла, что это вряд ли возможно: от женщины прямо так и веяло недружелюбием.

Кэтрин шла, почти облачиваясь на стену; тело ныло, похоже, не совсем оправившись от болезни. Да и расстроенные чувства из-за отношения персонала еще больше вгоняли в уныние. Девушка решила при любой удачной возможности расспросить Мэри о том, почему к ней такое отношение. И пусть та тоже не светится симпатией, но больше Кэт никого здесь не знала.

– Кэтрин? – девушка вздрогнула, услышав позади мужской голос. И, резко обернувшись, наткнулась на стоящего за спиной Томаса. Мужчина снова, не моргая, уставился на ее лицо, и его губы исказила странная улыбка.

– Как первый день? – спросил управляющий, чуть облокотившись о стену.

– Прекрасно, – соврала Кэтрин, не собираясь любезничать с этим неприятным типом. Почему неприятным, она не понимала, но ее мозг странным образом воспринимал его в штывки.

– Выглядишь устало? – продолжал допытываться мужчина.

– Хочу спать, – отрезала девушка, желая поскорее удалиться. – Могу я идти?

– Спешешь? – недовольно спросил Томас, видимо посчитав, что она не оценила его столь щедрого внимания.

– Хотелось бы поскорее отдохнуть, – постаралась смягчить голос Кэтрин, решив, что лучше не настраивать этого человека против себя.

– Может быть, тогда разрешишь проводить тебя? – с совсем неискренней улыбкой спросил управляющий.

– А вы всех служанок провожаете? – вырвался у Кэтрин неожиданный вопрос.

– Нет, – усмехнулся Томас. – Только тех, которые нравятся.

«Так, только этого мне еще не хватало», – произнесла мысленно Кэт, желая как можно скорее избавиться от навязчивого попутчика.

– Спасибо, конечно, за внимание! – ответила девушка с натянутой улыбкой. – Но я прекрасно помню дорогу, поэтому, думаю, не стоит вам тратить на это свое драгоценное время. Доброй ночи.

Томас покраснел, видимо, совершенно не ожидая отказа. А Кэтрин торопливо пошла прочь, не желая продолжать беседу. Внимание управляющего ей было совершенно не нужно, так же как и любого другого. Единственной целью девушки было выжить, а с этим, похоже, возникнут сложности в этом змеином логове.

21 глава

Кэтрин проснулась на рассвете, и, сполоснув лицо прохладной водой, отправилась на кухню. Девушка решила предпринять еще одну попытку подружиться со служанками. Но стоило ей отворить дверь, как она поняла, что вряд ли из этого выйдет что-то путное. Девушки секунду назад весело завтракавшие за столом, увидев Кэт, тут же замолчали. А когда она, получив свою порцию, с милой улыбкой уселась к ним, и вовсе повскакивали со своих мест, удалившись в сторону.

Аппетит сразу же покинул Кэтрин, и, опустив глаза в тарелку, она принялась хмуроковырять кашу деревянной ложкой. Даже в воздухе витало напряжение; служанки демонстративно сторонились Кэт, причем всячески намекая ей на это. Кэтрин не понимала, с чем связано такое отношение, ведь ничего плохого она им не сделала. И услышав фразу, брошенную одной из служанок, девушка напряглась:

– Негоже прислуге сидеть за одним столом с графиней, – слова были произнесены тихо, но так, чтобы Кэт могла их расслышать, а остальные девицы захихикали, поддерживая говорившую.

Не выдержав, Кэтрин резко вскочила из-за стола. Одно дело терпеть насмешки графа, а другое – сносить пренебрежение этих девиц. «Пусть выскажут мне в лицо, чем я им так не угодила», – сжав зубы, подумала Кэт и вслух произнесла:

– Уж не знаю, отчего вы точите на меня зубы, но очень хотелось бы узнать?

Служанки в миг затихли и уставились на Кэтрин. Со стороны выглядело так, словно стая охотничьих собак увидела кролика. Но Кэт им не кролик! И если придется, она тоже может показать зубы. Чего уж ей бояться?

– Простите, ваша светлость, если чем обидели, – усмехнулась высокая брюнетка, прожигая Кэтрин презрением.

– Да, да, мы не со зла, по глупости своей бестолковой, – поддакнула другая, скривив лицо.

– Уж не доносите на нас графу, – вступила в дискуссию третья, и все дружно захихикали.

Кэтрин непонимающе хлопала ресницами, во все глаза глядя на этот цирк. Что это все значит? Отчего такое высокомерие? Откуда столько ненависти? Девушка даже растерялась, получив немалую порцию презрения от совершенно незнакомых людей. Она открыла было рот, но все слова словно испарились. А по этой кучке девиц видно, что им только дай повод ее покусать.

– Хватит кудахтать, всем быстро работать! – скомандовала кухарка звучным голосом, и, недовольно взглянув на Кэт, будто бы она была зачинщицей, добавила: – И ты не стой столбом, а принимайся за дела, их у тебя немало!

Даже погрузившись полностью в работу, Кэтрин не могла выкинуть из головы утреннюю перепалку. Она пыталась понять, чем настроила прислугу против себя, но так и не смогла найти ответа. Невозможно за пару дней настолько сильно возненавидеть незнакомого человека. Возможно, здесь замешан граф? Ведь он обещал, что ее жизнь не будет легкой. В любом случае Кэт решила всеми возможными способами решить эту загадку.

Все попытки заговорить с кухаркой увенчались провалом. Женщина обрывала Кэтрин на полуслове, нагружая новой работой. И в конце концов девушка вымоталась так, что не чувствовала собственных рук. Она осталась одна на кухне после ужина, потому что именно ей велели выдраить там все до блеска, да еще и вычистить печь. Последнее вообще было мужской работой, вряд ли ее сил хватит, чтобы полностью отчистить гарь. Но выбирать не приходилось. Перемыв гору посуды, Кэт присела на секунду, чтобы перевести дыхание.

В поместье царила тишина, время перевалило за полночь, а впереди оставалась еще самая тяжелая работа. Удрученно вздохнув, Кэтрин взяла щетку из конского волоса и опустили на колени возле печи. Заглянув внутрь, она подумала, что ту вообще никогда не чистили, потому что копоть была толщиной в несколько пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.